

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
Ю.Б. Гиппенрейтер

РОДИТЕЛЯМ:
**КАК
БЫТЬ
РЕБЕНКОМ**

Юлия Борисовна Гиппенрейтер Родителям: как быть ребенком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2954935

*Родителям: как быть ребенком. Хрестоматия / Ю. Б. Гиппенрейтер: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062395-2, 978-5-271-25355-3*

Аннотация

Эта хрестоматия составлена из воспоминаний многих известных людей о своем детстве. Живо написанные тексты раскрывают внутреннюю жизнь детей разных возрастов, характеров и судеб. На ярких примерах взаимоотношений детей и родителей они помогают увидеть, как творческие силы ребенка раскрываются в ходе воспитания и обучения. В книге можно найти также размышления и опыт талантливых ученых-практиков, сделавших своей профессией понимание детей и помощь им.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
М. В. Осорина	8
Павел Флоренский	18
«Чудовище»	18
Искра	20
Агата Кристи	22
Мои мама и папа:	22
Сад!	24
Мои Котята и другие...	26
Канарейка и собака	27
В гостях у Бабушки	30
Игра в «Старшую сестру»	30
В четыре года я влюбилась	32
Истории Няни и мамы	32
Обруч и Матильда	33
Игра в дом	35
Марина Цветаева «Памятник-Пушкина»[5]	38
Взрослый в мире ребенка, ребенок в мире взрослого	42
Л. К. Чуковская. «Коля мечтает»[7]	42
Марина Цветаева. Сказка матери[8]	44
Л. К. Чуковская. «Люди как люди!»	49
Агата Кристи. «В моей памяти осталось...»	52
Глава 2	53
К. С. Станиславский Детство[9]	55
Ранние воспоминания	55
Цирк	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Гиппенрейтер

Родителям: как быть ребенком

Всем детям, живущим с нами и внутри нас

Предисловие

Эта книга составлена из живых историй – воспоминаний различных людей о своем детстве, в которых авторам удалось мысленно вернуться в то время, снова глубоко пережить его и проникновенно о нем рассказать. Дети, как правило, не могут открыть нам всю сложность своего внутреннего мира. Им не хватает слов, а иногда и веры в наше понимание. И вот эту труднейшую задачу взволнованно-открытого сообщения о себе за всех детей и от имени всех детей талантливо решают авторы воспоминаний!

Читая эти воспоминания, с удивлением узнаешь, как порой далеки от истины наши представления о том, что значит быть ребенком. Они дают возможность побывать в «коже» ребенка, услышать его внутренний голос, увидеть мир его глазами, узнать о его проблемах и радостях.

Цель этой хрестоматии и состоит в том, чтобы помочь нам, взрослым, глубже, лучше, сочувственнее понять детей.

Надеюсь, что такое понимание даст возможность читателям совсем иначе взглянуть на общение с собственным ребенком, увидеть свои промахи и, наоборот, удачу в его воспитании. Тем более что в текстах воспоминаний мы знакомимся также с образцами поведения некоторых родителей и учителей и имеем возможность заимствовать блестящий опыт этих взрослых.

Эта хрестоматия образует единый ряд с первыми двумя моими книгами для родителей: «Общаться с ребенком. Как?» и «Продолжаем общаться с ребенком. Так?». Она продолжает темы этих книг и общий гуманистический подход к воспитанию ребенка.

В упомянутых книгах мне уже приходилось использовать примеры и жизненные истории, в том числе взятые из мемуарной литературы. Но жанр тех книг не позволял приводить большие выдержки из сочинений других авторов, как бы того мне ни хотелось. Тогда и возникла идея хрестоматии. В ней читатель встретится и с уже знакомыми по моим книгам именами и историями, изложенными, однако, в более широком контексте, и с многими новыми известными и менее известными авторами.

Помимо воспоминаний, в книге есть несколько текстов талантливых ученых и педагогов, в которых они делятся своими размышлениями и практическим опытом на ту же тему: как понять ребенка и как сделать его жизнь более счастливой.

Все тексты даются с сокращениями. Они сопровождаются моими комментариями¹. Комментарии писались с целью помочь читателю осознать психологический смысл многих фактов, подробностей и условий детской жизни.

Особую проблему составила структура хрестоматии. Казалось необходимым выделить несколько общих глав, в которых освещались бы значимые моменты жизни ребенка. Эту задачу помогли решить сами авторы воспоминаний. В их рассказах чаще всего звучат такие темы, как особенное детское восприятие мира, мечты и увлечения, родители и семья, учеба и школа. В результате определились четыре главы книги, названия которых отражают эти

¹ выделено цитатами

темы: «Глазами ребенка» (глава 1); «От увлечения к призванию» (глава 2); «Значимый близкий взрослый» (глава 3); «Занятия, учеба, школа» (глава 4).

У некоторых авторов в воспоминаниях больше звучит какая-нибудь одна из упомянутых тем, у других – две и больше. В результате имя одного и того же автора повторяется в разных главах, но случается несколько тем раскрываются в одном и том же рассказе, делая невозможным разбиение его по разным главам.

Хочется поблагодарить всех друзей и коллег, горячо отозвавшихся на саму идею хрестоматии и на мои просьбы рекомендовать известные им интересные воспоминания о детстве. Искренняя признательность Марии Петровой за иллюстрации, в которых ей удалось успешно решить нелегкую задачу искусной передачи смысла авторских текстов и учета пожеланий составителя.

Особая благодарность моему мужу, Алексею Николаевичу Рудакову, постоянному сочувствующему собеседнику и первому строгому редактору моих текстов.

Профессор Ю. Б. Гиппенрейтер

Глава 1 Мир глазами ребенка

«Глаза ребенка» – это особое видение мира. Дети удивляются вещам и событиям, мимо которых мы проходим не замечая; завораживаются цветами, звуками и словами, в которых мы не находим ничего особенного. У них другие масштабы, другие ценности, другое понимание того, что важно и неважно.

Многие воспоминания детства приоткрывают удивительное своеобразие и богатство внутреннего мира ребенка. Одновременно они показывают, с какой деликатностью взрослым следует обращаться с этим

миром. Ведь ребенок живет в нем по-настоящему, всерьез. Через его призму он воспринимает внешний мир, других людей и самого себя. И если мы не всегда понимаем скрытую жизнь ребенка, то, во всяком случае, можем уважать и оберегать ее вместе с ее заветными «тайнами», фантазиями и мечтами.

Эта глава открывается выдержками из книги *М. Осориной* – талантливого исследователя детства. За ними следуют тексты из воспоминаний *П. Флоренского, А. Кристи, М. Цветаевой и Л. Чуковской*. Хотя название «Мир глазами ребенка» можно отнести ко всей книге, здесь отобраны те эпизоды, которые обнаруживают своеобразие и «непохожесть» мироощущения ребенка на наше, взрослое, восприятие. Будем надеяться, что эти талантливые описания помогут нам вспомнить свое детство и глубже понять наших детей.

М. В. Осорина Два мира: Этот и Тот²

Мария Владимировна Осорина (род. 6 декабря 1950 г.) – российский психолог, доцент факультета психологии СПбГУ, вице-президент Санкт-Петербургского психологического общества, автор многочисленных оригинальных исследований в области детской субкультуры, детского рисунка и творчества.

Выдержками из ее книги «Секретный мир детей...» мы открываем этот раздел. Материалы книги – результат большого опыта автора – мастера внимательного наблюдения за детьми и сочувствующего общения с ними. Можно видеть, как много узнает «понимающий» взрослый, вступая в доверительный контакт с ребенком.

Для годовалого важно поползти, долезть, дойти до намеченной цели. Двух-трехлетний открывает для себя множество вещей, их названия, возможность использования, их доступность и запретность. Между двумя и пятью годами по нарастающей развивается у ребенка способность образно представлять в уме и фантазировать.

Это качественно новое событие в интеллектуальной жизни ребенка, которое революционно преобразует многие стороны его жизни.

Раньше ребенок был пленником той конкретной ситуации, где он находился. На него воздействовало только то, что он непосредственно видел, слышал, ощущал.

Теперь же он обнаруживает, что получил новую способность *удваивать мир*, представляя воображаемые образы на внутреннем психическом экране. Это дает ему возможность одновременно пребывать в мире *внешне видимом (здесь и сейчас)* и в *воображаемом* мире своих фантазий (*там и тогда*), возникающих по поводу реальных событий и вещей. Удивительным свойством детского мироощущения в этот период (как и несколькими годами позже) оказывается то, что большинство значимых предметов, окружающих ребенка в обыденной жизни, представляются в его фантазиях героями множества событий. Вокруг них разыгрываются драматические ситуации, они становятся участниками странных сериалов, изо дня в день создаваемых ребенком.

² Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб: «Питер», 1999, 2004. «Речь» (с сокращениями).

Мама даже не подозревает, что, рассматривая суп в тарелке, ребенок видит подводный мир с водорослями и затонувшими кораблями, а проделывая ложкой бороздки в каше, представляет, что это ущелья среди гор, по которым пробираются герои его сюжета.

Иногда поутру родители не знают, кто сидит перед ними в образе их родного дитяти: то ли это их дочка Настя, то ли Лисичка, которая аккуратно раскладывает свой пушистый хвост и требует на завтрак только то, что едят лисы. Чтобы не попасть впросак, бедным взрослым бывает полезно заранее спросить ребенка, с кем они имеют дело сегодня.

Эта новая способность к воображению дает ребенку совершенно новые степени свободы. Она позволяет ему быть чрезвычайно активным и самовластным в удивительном внутреннем мире психики, который начинает у ребенка формироваться. Внутренний психический экран, на котором разворачиваются воображаемые события, в чем-то подобен экрану компьютера. В принципе на нем с легкостью можно вызвать любой образ (было бы умение!), изменить его как хочешь, представить события, которые невозможны в реальности, заставить действие разворачиваться так стремительно, как это не бывает в реальном мире с обычным течением времени. Все эти умения ребенок осваивает постепенно. Но появление такой психической способности имеет огромное значение для его личности. Ведь все эти поразительные возможности, которые ребенок взахлеб начинает использовать, дают ощущение собственной силы, дееспособности, хозяйского отношения к воображаемым ситуациям. Это находится в резком контрасте с невысокой до поры до времени способностью ребенка управляться с предметами и событиями реального физического мира, где вещи его мало слушаются.

Кстати, если не развивать контакты ребенка с реальными предметами и людьми, не поощрять его действовать «в миру», он может спастись перед трудностями жизни. В этом сопротивляющемся нам, не всегда подчиняющемся нашим хотениям, требующем умений мире физической реальности человеку важно иногда подавить соблазн нырнуть и спрятаться в иллюзорный мир фантазий, где все легко получается. Психологически особым классом вещей для ребенка являются игрушки. По самой своей природе они предназначены для того, чтобы воплощать, «опредмечивать» детские фантазии. Вообще, детскому мышлению

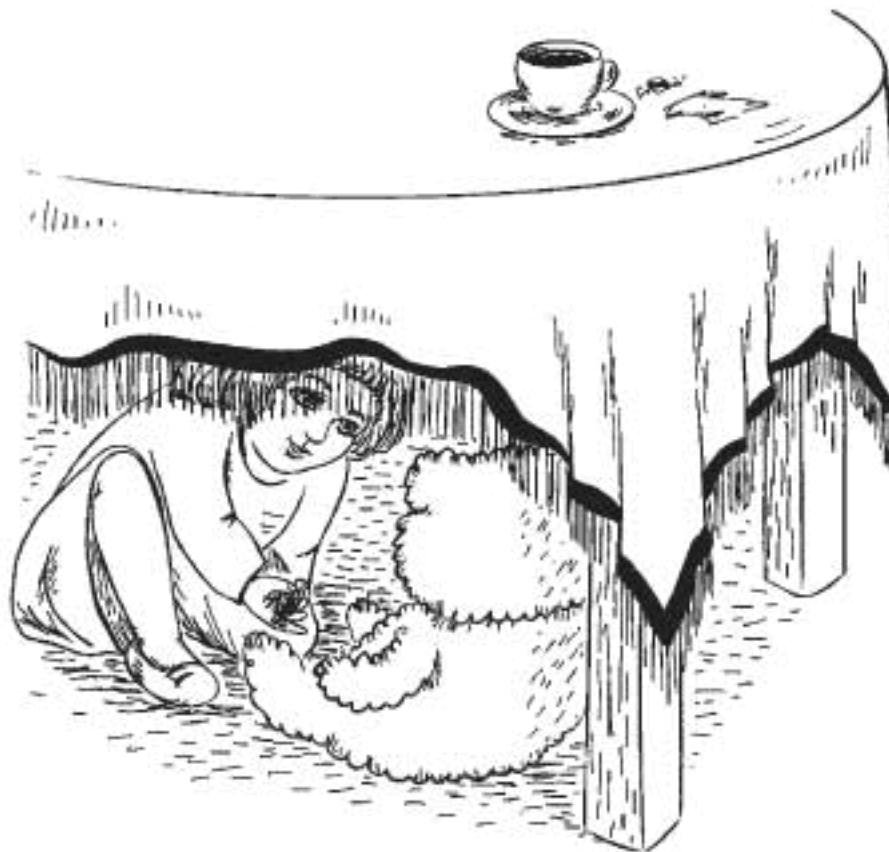
свойствен *анимизм* – склонность наделять неживые предметы душой, внутренней силой и способностью к самостоятельной потаенной жизни. Именно эту струну детской психики всегда затрагивают самодвижущиеся игрушки: механические курочки, способные клевать, куклы, закрывающие глаза и говорящие «мама», шагающие медвежата и т. п. У зачарованного ребенка (а иногда – и взрослого) такие игрушки всегда находят отклик, поскольку в душе он внутренне знает, что так и должно быть – они живые, но скрывают это. Днем игрушки покорно исполняют волю своих хозяев, но в некоторые особые моменты, в частности ночью, тайное становится явным. Предоставленные самим себе игрушки начинают жить собственной, полной страстей и желаний деятельной жизнью. Эта волнующая тема, связанная с тайнами бытия предметного мира, настолько значима, что стала одним из традиционных мотивов произведений детской литературы. Ночная жизнь игрушек лежит в основе событий «Щелкунчика» Э.-Т.-А. Гофмана, «Черной курицы» А. Погорельского и многих других книг, а из произведений современных авторов – известного «Путешествия Голубой Стрелы» Дж. Родари. Русский художник Александр Бенуа в своей знаменитой «Азбуке» 1904 года выбрал именно эту тему для иллюстрации к букве «И», где изображено напряженно-таинственное оживание ночного сообщества Игрушек.

Оказывается, что практически всем детям свойственно фантазировать по поводу своего дома и почти у каждого ребенка есть любимые «объекты медитации», сосредоточиваясь на которых он погружается в свои грезы. Ложась спать, кто-то разглядывает пятно на потолке, похожее на голову бородатого дядьки, кто-то – узор на обоях, напоминающий смешных зверушек, и что-то придумывает о них. Одна девочка рассказывала, что над ее кроватью висела шкура оленя, и каждый вечер, лежа в постели, она гладила своего оленя и сочиняла очередную историю о его приключениях.

Внутри комнаты, квартиры или дома ребенок выделяет для себя любимые места, где он играет, мечтает, куда уединяется. Если плохое настроение – можно спрятаться под вешалку с целой кучей пальто, укрыться там от всего мира и посидеть, как в домике. Или залезть под стол с длинной скатертью и прижаться спиной к теплой батарее.

Можно посмотреть для интереса в маленькое окошечко из коридора старинной квартиры, выходящее на черную лестницу, – что там видно? – и вообразить, а что можно было бы там увидеть, если бы вдруг...

Есть в квартире и пугающие места, которых ребенок старается избегать. Вот, например, маленькая коричневая дверца в нише стены на кухне, взрослые ставят туда, в прохладное место, продукты, но для пятилетнего ребенка это может быть самое страшное место: за дверцей зияет чернота, кажется, что там провал в какой-то другой мир, откуда может прийти что-то ужасное. По собственному почину ребенок не подойдет к такой дверце и ни за что не откроет.

Одна из самых больших проблем детского фантазирования связана с незрелостью самоосознания у ребенка. Из-за этого он часто не может различить, что является реальностью, а что – его собственными переживаниями и фантазиями, окутавшими этот предмет, склеившимися с ним. Вообще такая проблема есть и у взрослых людей. Но у детей такая слитость реального и фантазийного может быть очень сильной и доставляет ребенку много трудностей.

Дома ребенок может одновременно сосуществовать в двух разных реальностях – в привычном мире окружающих предметов, где распоряжаются и оберегают ребенка взрослые, и в воображаемом собственном мире, наложенном поверх обыденности. Он тоже реален для ребенка, но невидим для других людей. Соответственно, для взрослых он недоступен. Хотя одни и те же предметы могут быть в обоих мирах сразу, имея, однако, там разные сущности. Вот вроде бы просто черное пальто висит, а посмотришь – как будто кто-то страшный.

В *Этом* мире ребенка защитят взрослые, в *Том* – они помочь не могут, так как туда не входи. Поэтому если в *Том* мире становится страшно, надо быстрее бежать в *Этом*, да еще и громко кричать: «Мама!». Иногда ребенок сам не знает, в какой момент переменятся декорации и он попадет в воображаемое пространство другого мира – это бывает неожиданно

и мгновенно. Конечно, чаще так случается, когда взрослых нет поблизости, когда они не удерживают ребенка в обыденной реальности своим присутствием, разговором.

Для большинства детей отсутствие родителей дома – трудный момент. Они чувствуют себя оставленными, незащищенными, а привычные комнаты и вещи без взрослых как бы начинают жить своей особой жизнью, становятся другими. Так бывает ночью, в темноте, когда приоткрываются темные, потаенные стороны жизни занавесок и шкафов, одежды на вешалке и странных, неопознаваемых предметов, которых ребенок раньше не замечал.

Если мама ушла в магазин, то некоторым детям даже днем страшно пошевелиться в кресле, пока она не придет. Другие дети особенно боятся портретов и плакатов с изображениями людей. Одна девочка одиннадцати лет рассказывала подругам, как она боится плаката с Майклом Джексон, висящего на внутренней стороне двери ее комнаты. Если мама уходила из дома, а девочка не успевала выйти из этой комнаты, то ей оставалось только сидеть, сжавшись, на диване до прихода матери. Девочке казалось, что Майкл Джексон сейчас сойдет с плаката и ее задушит. Подруги сочувственно кивали – ее тревога была понятна и близка. Девочка не смела снять плакат или открыться в своих страхах родителям – это они его повесили. Майкл Джексон им очень нравился, а девочка – «большая и не должна бояться».

Ребенок чувствует себя незащищенным, если его, как ему кажется, недостаточно любят, часто порицают и отвергают, оставляют надолго в одиночестве, со случайными или неприятными людьми, бросают одного в квартире, где есть чем-то опасные соседи.

Даже взрослый человек с неизжитыми детскими страхами подобного рода иногда больше боится быть один у себя дома, чем идти в одиночестве по темной улице.

Всякое ослабление родительского защитного поля, которое должно надежно окутывать ребенка, вызывает в нем тревогу и ощущение того, что надвигающаяся опасность легко прорвет тонкую оболочку физического дома и достигнет его. Получается, что для ребенка присутствие любящих родителей кажется более прочным укрытием, чем все двери с замками.

Поскольку тема защищенности дома и страшные фантазии актуальны практически для всех детей определенного возраста, они находят свое отражение в детском фольклоре, в традиционных страшных историях, изустно передающихся от поколения к поколению детей.

В одном из самых распространенных по всей территории России сюжетов рассказывается о том, как некая семья с детьми живет в комнате, где на потолке, стене или на полу есть подозрительное пятно – красное, черное или желтое. Иногда его обнаруживают при переезде на новую квартиру, иногда кто-то из членов семьи его случайно поставит, – например, мама-учительница капнула на пол красными чернилами. Обычно герои страшилки пытаются оттереть или отмыть это пятно, но у них ничего не получается. Ночью, когда все члены семьи засыпают, пятно обнаруживает свою зловещую сущность. В полночь оно начинает медленно расти, становясь большим, как люк. Потом пятно открывается, оттуда высовывается огромная красная, черная или желтая (в соответствии с цветом пятна) рука...

Правда, эти ужасы происходят в страшилках только в том случае, если родители ушли – в кино, в гости, работать в ночную смену или заснули, что равно лишает их детей защиты и открывает доступ злу.

...Для детского сознания существуют и другие места потенциальных прорывов довольно тонкой защитной оболочки дома в пространство другого мира. Как показали наши опросы, чаще всего дети боятся дома стенок шкафов, кладовок, каминов, антресолей, различных дверок в стенах, необычных маленьких окон, картин, пятен и трещин. Устрашают детей и дырки унитаза, а еще больше – дощатые «очки» деревенских уборных.

Итак, для индивидуальных детских страшных фантазий характерен мотив уноса или выпадения ребенка из мира Дома в Иное Пространство через некий магический проем. Этот мотив разнообразно отражен в продуктах коллективного творчества детей – текстах детского фольклора. Но он также широко встречается и в литературе для детей. Например, как сюжет об уходе ребенка внутрь картины, висящей на стене его комнаты (аналог – внутрь зеркала; вспомним Алису в Зазеркалье). Как известно, у кого что болит, тот о том и говорит. Добавим к этому – и с интересом про это слушает.

Страх провала в другой мир, который метафорически представлен в этих художественных текстах, имеет под собой реальные основания в психологии детей. Мы помним, что это – раннедетская проблема слитости двух миров в восприятии ребенка: мира видимого и спроецированного на него как на экран мира психических событий. Возрастная причина этой проблемы (не рассматриваем патологию) – недостаток психической саморегуляции, несформированность механизмов самоосознания, остранения, по-старинному – трезвения, позволяющих отличить одно от другого и совладать с ситуацией. Поэтому здоровым и несколько приземленным существом, возвращающим ребенка к реальности, обычно является взрослый.

В этом смысле, как литературный пример, для нас будет интересна глава «Тяжелый день» из знаменитой книги англичанки П. Л. Трэверс «Мэри Поппинс».

В тот нехороший день у Джейн – маленькой героини книги – не ладилось абсолютно все. Она так расплевалась со всеми домашними, что родной брат, тоже ставший ее жертвой, посоветовал Джейн уйти из дома, чтобы ее кто-нибудь усыновил. За грехи Джейн была оставлена дома одна. А так как она пылала негодованием против своих домашних, ее легко соблазнили войти в их компанию три мальчика, нарисованные на старинном блюде, висевшем на стене комнаты. Отметим, что уходу Джейн на зеленую лужайку к мальчикам способствовали два важных момента: нежелание Джейн быть в домашнем мире и трещина на середине блюда, образовавшаяся от случайного удара, нанесенного девочкой. То есть треснул ее домашний мир и треснул мир блюда, в результате чего образовалась щель, через которую Джейн попала в другое пространство. Мальчики зазвали Джейн уйти с лужайки через лес в старинный замок, где жил их прадедушка. И чем дальше, тем страшнее ей становилось. Наконец до нее дошло, что ее заманили, обратно не отпустят, да еще и возвращаться некуда, так как там было другое, старинное время. По отношению к нему в мире реальном ее родители еще не родились, а ее Дом Номер Семнадцать в Вишневом переулке еще не был построен.

Джейн закричала что было мочи: «Мэри Поппинс! Помогите! Мэри Поппинс!» И, несмотря на сопротивление жителей блюда, сильные руки, к счастью, оказавшиеся руками Мэри Поппинс, вытащили ее оттуда.

– Ой, это вы! – пролепетала Джейн. – А я думала, вы меня не слышали! Я думала, мне придется там навсегда остаться! Я думала...

– Некоторые люди, – сказала Мэри Поппинс, мягко опуская ее на пол, – думают слишком много. Несомненно. Вытри лицо, пожалуйста.

Она подала Джейн свой носовой платок и начала накрывать к ужину».

Итак, Мэри Поппинс выполнила свою функцию взрослого, вернула девочку в реальность. И вот Джейн уже наслаждается уютом, теплом и покоем, которым веет от знакомых домашних вещей. Пережитый ужас уходит далеко-далеко.

Но книга Трэверс никогда бы не стала любимой многими поколениями детей всего мира, если бы дело кончилось так прозаически. Рассказывая брату вечером историю своего приключения, Джейн опять посмотрела на блюдо и обнаружила там зримые следы того, что и она, и Мэри Поппинс действительно побывали в том мире. На зеленой лужайке блюда остался лежать оброненный Мэри шарф с ее инициалами, а коленка одного из нарисованных мальчиков так и осталась перевязанной носовым платком Джейн. То есть все-таки правда, что сосуществуют два мира – *Тот* и *Этот*. Надо только уметь оттуда возвращаться обратно. Пока детям – героям книги – помогает в этом Мэри Поппинс. Тем более что вместе с ней они часто бывают в очень странных ситуациях, от которых довольно трудно прийти в себя. Но Мэри Поппинс строга и дисциплинирована. Она умеет в один миг показать ребенку, где он находится.

Так как читателю в книге П. Л. Трэверс многократно сообщается о том, что Мэри Поппинс была лучшей в Англии воспитательницей, мы тоже можем воспользоваться ее педагогическим опытом.

Под пребыванием в *Том* мире в контексте книги Трэверс понимается не только мир фантазий, но и излишняя погруженность ребенка в собственные психические состояния, из которых он не может выйти сам, – в эмоции, воспоминания и т. п. Что же нужно сделать, чтобы вернуть ребенка из *Того* мира в ситуацию мира *Этого*?

Излюбленный прием Мэри Поппинс состоял в том, чтобы резко переключить внимание ребенка и зафиксировать его на каком-нибудь конкретном предмете окружающей реальности, заставив что-то быстро и ответственно делать. Чаще всего Мэри обращает внимание ребенка на его собственное телесное «Я». Так она пытается вернуть в тело витающую

неизвестно где душу воспитанника: «Причешись, пожалуйста!»; «У тебя опять развязались шнурки!»; «Иди умойся!»; «Посмотри, как лежит твой воротничок!».

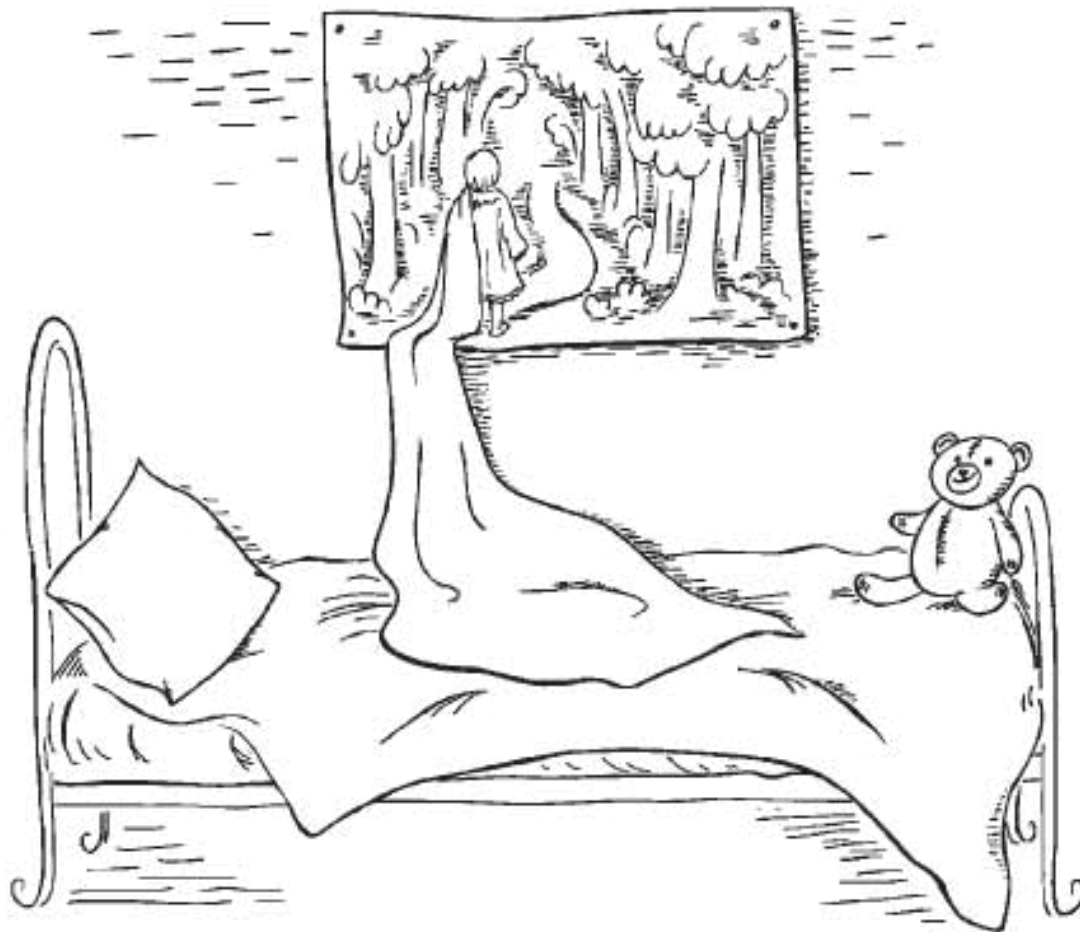
Этот грубоватый прием напоминает резкий шлепок массажиста, которым в конце массажа он возвращает к действительности впавшего в транс, размякшего клиента.

Хорошо бы, если бы все было так просто! Если бы можно было вот так одним шлепком или ловким приемом переключения внимания заставить зачарованную душу ребенка не «улетать» неведомо куда, научить его жить реальностью, прилично выглядеть и делать дело. Даже Мэри Поппинс это удавалось на короткий срок. Да и сама она отличалась способностью вовлекать детей в неожиданные и фантастические приключения, которые умела создавать в повседневной жизни. Поэтому с ней было всегда так интересно детям.

Чем сложнее внутренняя жизнь ребенка, чем выше его интеллект, тем многочисленнее и шире миры, которые он открывает для себя как в окружающей среде, так и в своей душе.

Постоянные, любимые детские фантазии, особенно связанные со значимыми для ребенка предметами домашнего мира, могут определить потом всю его жизнь. Повзрослев, такой человек считает, что они были посланы ему в детстве самой судьбой.

Одно из наиболее тонких психологических описаний этой темы, данной в переживании русского мальчика, мы найдем в романе В. В. Набокова «Подвиг».

«Над маленькой узкой кроватью... висела на светлой стене акварельная картина: густой лес и уходящая вглубь витая тропинка. Меж тем в одной из английских книжонок, которые мать читывала с ним... был рассказ именно о такой картине с тропинкой в лесу прямо над кроватью мальчика, который однажды, как был, в ночной рубашке, перебрался из постели в картину, на тропинку, уходящую в лес. Мартына волновала мысль, что мать может заметить сходство между акварелью на стене и картинкой в книжке: по его расчету, она,

испугавшись, предотвратила бы ночное путешествие тем, что картину бы убрала, и потому всякий раз, когда он в постели молился перед сном... Мартын молился о том, чтобы она не заметила соблазнительной тропинки как раз над ним. Вспоминая в юности то время, он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь. Он как будто помнил холодок земли, зеленые сумерки леса, излучки тропинки, пересеченной там и сям горбатым корнем, мелькание стволов, мимо которых он босиком бежал, и странный темный воздух, полный сказочных возможностей».

Нет сомнений, что многое из рассказанного здесь знакомо почти каждому. Но хочется обратить внимание на некоторые акценты, проставленные М. Осориной. Ценность ее описаний в том, что в них подчеркивается особенная, уникальная функция фантазий ребенка, которые взрослые не замечают, либо в лучшем случае называют просто «игрой». На самом деле воображение ребенка совершает огромную и сложную работу по освоению мира, осознанию себя, овладению своими эмоциями, пониманию других. Это настоящий *душевный труд*, который неизбежно проделывают дети, входя в нормальную жизнь, это и настоящее душевное творчество, которым особенно наделены дети. Фактически, внутренняя работа воображения происходит в течение всей жизни человека, но у взрослых она «забывается» реальными событиями и заботами. У детей же она имеет большой «удельный вес» и проявляется в своеобразных, не всегда понятных нам формах. Это и «оживленные» любимые игрушки, и воображаемые события, где сам ребенок – герой, и двойная жизнь вещей – настоящая и таинственная, и страшные персонажи. Своеобразие этих образов определяется многими особенностями детской психики – недостатком опыта, незрелостью формального интеллекта, повышенной эмоциональностью. Через фантазию ребенок развивается умственно, эмоционально, социально. Он, по словам М. Осориной, открывает новые миры «как в окружающей среде, так и в своей душе», а также получает впечатления, которые порой определяют направление всей его дальнейшей жизни. Все это мы увидим в приводимых далее текстах этой и других глав.

Павел Флоренский Впечатления таинственного³

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – русский религиозный философ, ученый, священник. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1904) и Московскую Духовную академию (1908), был доцентом и профессором академии по кафедре истории философии. Свою жизненную задачу Павел Флоренский понимал как проложение путей к будущему цельному мировоззрению, синтезирующему веру и разум, интуицию и дискуссию, богословие и философию, искусство и науку.

Отрывки взяты из книги воспоминаний П. Флоренского, которую он посвятил своим детям. В них речь идет о его ранних детских годах. Можно видеть, какой тонкой и впечатлительной натурой обладал мальчик и как это выразилось в его восприятии мира, образах и фантазиях.

...Понятное дело, я не открывался взрослым. И не только потому, что свои глубочайшие восприятия дети никогда не открывают взрослым, но и еще более потому, что мои восприятия казались мне столь естественными, *общими* всем, обычными, что о них не стоило говорить; да и как найти, не говоря уж о том, – как было найти слова для выражения чувств и мыслей, охватывавших все поле внутренней жизни, а потому, при всей своей острой специфичности в силе, расплывчатых, неуловимых, невыразимых? В детстве же чувство *таинственности* было у меня господствующим, это был фон моей внутренней жизни, на котором обрисовывалась нежность и ласка к родителям. Все окружающее, то, что обычно не кажется и не признается таинственным, очень многие привычные и повседневные предметы и явления имели какую-то глубину теней, словно по четвертому измерению, и выступали в рембрандтовских вещих тенях.

«Чудовище»

Мы жили в двух квартирах. В одной помещалась столовая, гостиная и еще какие-то спальни. В другой жил я с тетей Юлей – в другой, т. е. во флигеле. Сообщение между двумя помещениями было через двор, вымощенный камнями, сквозь которые прорастала трава. Обычно я ходил в сопровождении кого-нибудь из старших, а может быть, кое-когда решался пробежать и один. Но как-то раз, сидя в столовой, – это было днем, я соскучился по тете Юле или по маме, может быть, почему-то не приходившей из флигеля ко всем, – и побежал к ней или за ней. Как сейчас помню все, что было. Я отворил дверь и сразу, спустившись на 2–3 ступеньки, очутился под слегка темным навесом, образуемым около дома. Помню, что навес этот держался на деревянных некрашенных столбах с ободранной корою, посеревших

³ Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.

от дождя... Вероятно, дело было к вечеру, или погода была бессолнечная, но у меня осталось впечатление сумеречное. И вот на каменной мостовой двора, проросшей травой, быть может, осенней уже, – я вижу эту мостовую, как сейчас, – увидел я нечто. Скорее, сперва я услышал – какой-то неслыханный мною своеобразный звук. Его я уже испугался. Но любопытство и смелость победили. Я решил было прошмыгнуть мимо и добраться до своей цели. Но... побежав далее с почти зажмуренными глазами, я вдруг остолбенел. Предо мною стоял невиданный снаряд. Что-то в нем быстро вертелось, визжало, скрипело, и от колеса сыпались яркие искры. И, самое страшное, какой-то человек, мне он показался темным силуэтом на небе, вероятно, вечеряющем, – какой-то человек стоял при этом снаряде невозмутимо, бесстрастно и бесстрашно и что-то держал в руках...

Я стоял как очарованный взглядом чудовища.

Предо мною разверзались ужасные таинства природы. Я подглядел то, что смертному нельзя было видеть. Колеса Иезекииля? Огненные вихри Анаксимандра? Вечное вращение, ноуменальный огонь... Я остолбенел и пораженный ужасом, и захваченный дерзновенным любопытством, зная, что не должно мне видеть и слышать видимого и слышимого. Но мне открывалась живая действенность таинственных сил естества, бемовская первооснова, гетевские матери. И тот, кто стоял при таинственном искрометном снаряде, тот темный силуэт – это не был, конечно, человек, это не было одно из существ земли, это был дух земли, великое существо, несоизмеримое со мною. Оно меня не заметило, вероятно... Не знаю, сколько времени длилось это откровение и столбняк. Секунду ли, несколько ли секунд; но, конечно, очень недолго. И только прошел упоительный и страшный миг *слияния* с этим огненным первоявлением природы, только явилось сознание себя, как панический ужас охватил меня. И вот характерная подробность: никогда мне не изменявшее самообла-

дание в минуту последнего ужаса появилось у меня и тогда, и это первое из памятуемых мною таинственных потрясений души. Я не растерялся. Почти прыжком очутился я снова в столовой, откуда выбежал, и тут только, как это бывало и впоследствии в таких случаях, уже в надежной пристани, на коленях у кого-то из старших, я дал волю овладевшему мной ужасу. Со мною сделалось что-то вроде нервного припадка. Поили сахарной водой, успокаивали. «Ведь это точильщик точит ножи, Павлик, – твердили старшие. – Пойдем, посмотрим». Но я, разумеется, никого не слушал, но и не спорил со старшими. Я тогда уже понимал, что они не постигнут *таинства*, которое открылось мне и ужаснуло меня. Мне предлагали проводить меня через двор. Но и на это не сдавался я. И трудно сказать, только ли от страха пред потоком ноуменальных искр или и от другой боязни – не пережить вновь пережитого, увидеть то, о чем говорили мне взрослые, – что-то обыкновенное и в самом деле не внушающее ужаса... И долго после того боялся я один проходить по двору.

Это чувство откровения тайн природы и ужаса, с ним связанного, тютчевской Бездны и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни.

Вглядываясь в себя еще пристальнее, я нахожу еще нечто, чему я научился от этого нашего обитания в двух квартирах, сообщающихся двором. Это именно твердое, органическое убеждение в *мистическом* «есть» при противоречии ему эмпирического кажется.

Искра

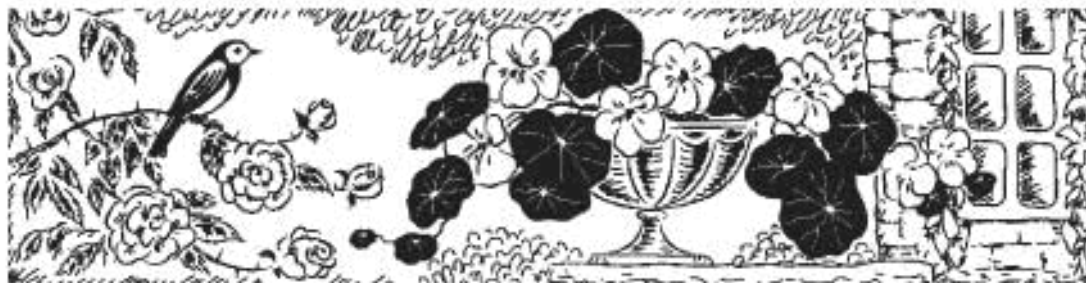
Искра. Нечто, кажущееся обыкновенным и простым, самым заурядным по своей частоте, нередко привлекало в силу каких-либо особых обстоятельств мое внимание. И вдруг тогда открывалось, что оно – не просто. Воистину что-то вдруг припоминалось в этом простом и обычном явлении, и им открывалось иное, ноуменальное, стоящее выше этого мира или, точнее, глубже его. Полагаю, это – то самое чувство и восприятие, при котором возникает фетиш: обычный камень, черепица, обрубок открывают себя как вовсе не обычные и делаются окнами в иной мир. Со мною в детстве так бывало не раз. Но в то время как иные явления всегда манили к себе мою душу, никогда не давая ей насытиться, другие, напротив, открывали таинственную глубину свою лишь урывками, даже единично, раз только. Одним из таких восприятий были искры.

Мы тогда жили в Батуме, в доме Айвазова. Было же мне около четырех-пяти лет. Возбуждаясь к вечеру, я долго-долго не соглашался ложиться спать; а когда ложился, то все равно часами лежал, не засыпая, ворочаясь с боку на бок и в миллионный раз изучая рисунок обоев или одеяла. Это были часы почти что пытки, когда я вылеживал в постели без сна. И потому я очень не любил укладываться спать рано, несмотря на уговоры. Однажды я с тетей Юлей сидели в спальне, что выходила на двор. Сначала тетя занимала меня, читала, рассказывала, а потом стала посылать спать. Но я чем-то особенно заупрямился и не шел. Тетя говорила, что надо идти. На дворе было темно. Тетя говорила, что если я не пойду, то сон может улететь спать и тогда я уже не засну; не знаю, говорила ли она, ипостазировав сон, или я только – так ее понял. Но посмотрел в темное окно – дело было осенью – и вижу: летят искры; вероятно, развели таган или печурку на дворе, с углями. И одна последняя, особенно яркая, летит как-то одиноко поодаль, отсталая. Я – к тете: «Смотри, что это?». А она: «Это улетает твой сон. Вот теперь ты не сумеешь заснуть». Я видел искры, как я, конечно, выдывал не раз до того. Но я почувствовал, что тетя глубоко права, что это действительно летит мой сон, имеющий невидимую, но бесспорную форму ангелка, – и что, улетая, он делает что-то непоправимое. Я разрыдался. Почувствовал, что что-то свершилось. Поспешил лечь, но долго-долго не смыкались веки.

Прошли с тех пор годы. Как-то недавно (1919) служил я всю ночь в церкви Красного Креста. Химические угли у нас кончились, приходится разжигать кадило простыми, из плиты, и при каждом они иногда искрятся. Вот искра от кадила полетела, как-то одиноко, в темном пространстве алтаря. И мне сразу вспомнилось, как такую же искрою «улетел сон мой» в детстве. А та, детская, искра в свой черед будила воспоминание об огненном потоке искр из-под колеса точильщика, открывшем мне иной мир, полный таинственной жути и влекущий и волнующий ум. Искры перекликаются с искрами и подают весть друг о друге. Сквозь всю жизнь мою пронизывается невидимая нить искр, огненная струя золотого дождя, осеменяющая ум...

Агата Кристи Волнующий мир детства⁴

Агата Кристи (1890–1976) – английская писательница, автор более 70 детективных романов, переведенных на 103 языка. Ей по праву принадлежит имя «королевы детектива».

В своей «Автобиографии» А. Кристи рассказывает о счастливых годах детства, которые она провела в родном доме в городе Торквее английского графства Девон. Можно видеть, что весь уклад, распорядок, нравы и обычаи в ее доме, и даже характеры некоторых его обитателей, отражают особенности Викторианской эпохи. Для современного читателя это – далекое культурное прошлое. В то же время детские переживания и игры маленькой Агаты выглядят вполне живыми и современными. Во истину, законы детства вечны!

Мои мама и папа: «Не отпускайте своего ребенка!»

Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, – это счастливое детство. У меня было очень счастливое детство. Милые моему сердцу дом и сад; мудрая и терпеливая Няня; мама и папа, горячо любившие друг друга, сумевшие стать счастливыми супругами и родителями.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме, в самом деле, царил благоденствие, и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца.

Только позднее я поняла, как любили его окружающие. Между тем он не обладал ни какими-то особыми достоинствами, ни редкостным умом. У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни мелочности, ни ревности, он отличался фантастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный.

Совсем другой была мама. Натура загадочная, притягательная, более сильная личность, чем папа, на удивление оригинально мыслящая и в то же время робкая и неуверенная в себе, в глубине души, как мне кажется, склонная к меланхолии.

Мама была лет на десять младше папы и страстно полюбила его еще десятилетней девочкой. Пока молодой беспечный повеса курсировал между Нью-Йорком и югом Франции, мама, робкая, тихая девочка, сидела дома, погруженная в мечты о нем, писала в дневнике стихи и вышивала ему кошелек. Этот кошелек отец хранил всю жизнь.

⁴ Кристи А. Автобиография. М., Эксмо, 2007. Пер. В. Чемберджи.

Мама, урожденная Клара Бомер, в детстве была очень несчастлива. Ее отца, служившего в шотландском полку в Аргайле, сбросила лошадь, он разбился насмерть; моя Бабушка, юная и красивая, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и, кроме скудной вдовой пенсии, без всяких средств к существованию. Ее старшая сестра, только что вышедшая замуж за богатого американского вдовца, написала Кларине матери письмо, в котором предложила взять кого-нибудь из детей на воспитание и обещала обращаться с ребенком как с родным.

Молодая вдова, не выпускавшая из пальцев иголки, чтобы как-то прокормить и воспитать четырех детей, приняла предложение. Из трех мальчиков и девочки она выбрала девочку; то ли оттого, что ей казалось, будто мальчики легче найдут дорогу в жизни, в то время как девочка нуждается в поддержке, то ли, как всегда говорила мама, потому, что она больше любила мальчиков.

Мама покинула Джерси и поселилась в незнакомом доме на севере Англии. Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, ни малейшего представления о детской психологии. Мама получила все: богатство, комфорт, уют, заботу. Но безвозвратно потеряла беспечную жизнь с братьями в своем доме.

В газетных столбцах, отведенных для писем обеспокоенных родителей, я часто наталкиваюсь на просьбы: «Хотела бы передать на воспитание в богатую семью ребенка, чтобы он получил блага, которых я не могу ему обеспечить, – прежде всего, первоклассное воспитание и образование».

Мне всегда хочется закричать: *«Не отпускайте своего ребенка!»* Дом, семья, любовь и надежность домашнего очага – разве самое лучшее образование в мире может заменить это или сравниться с этим?

Моя мать была глубоко несчастна в новом доме. Каждый вечер она засыпала в слезах, бледнела, худела. Наконец она заболела, и тете пришлось вызвать врача. Пожилой опытный доктор немножко поговорил с девочкой, потом вернулся к тете и сказал:

– Девочка тоскует по дому.

Тетя страшно удивилась и не поверила.

– О нет, – возразила она, – этого не может быть. Клара – хорошая, спокойная девочка. Она нисколько не скучает и совершенно счастлива.

Но старый доктор снова пошел к девочке и еще раз поговорил с ней. Не правда ли, у нее есть братья? Сколько? Как их зовут? В ответ девочка разрыдалась, и сомнения рассеялись.

Когда все вскрылось, наступило облегчение, *но ощущение отверженности осталось навсегда*. Думаю, мама сохранила горечь обиды на Бабушку до конца жизни. Она очень сильно привязалась к своему американскому «дяде». Уже тяжело больной, он полюбил тихую маленькую Клару и часто читал девочке вслух ее любимую книгу «Король золотой реки». Однако настоящим утешением в ее жизни были периодические визиты пасынка тети – Фреда Миллера, так называемого кузена Фреда. Фреду было около двадцати лет, и он всегда проявлял большую нежность к своей маленькой кузине. Однажды – Кларе было одиннадцать лет – Фред сказал мачехе:

– Какие у Клары красивые глаза!

Клара, твердо считавшая себя уродиной, побежала в тетину комнату, чтобы посмотреть в большое зеркало, перед которым одевалась и причесывалась тетя. Может быть, у нее и вправду красивые глаза... Клара ощутила невероятный восторг. С того момента ее сердце безвозвратно принадлежало Фреду.

В Америке старинный друг семьи как-то сказал юному бонвивану:

– Фредди, когда-нибудь ты женишься на своей маленькой кузине.

Пораженный Фред ответил:

– Она ведь совсем крошка!

Но он всегда питал особое чувство к обожавшей его девочке, хранил детские письма и стихи, которые она ему писала. После длинного ряда любовных приключений с нью-йоркскими красотками и представительницами высшего света (среди них – Дженни Джером, будущая леди Рэндолф Черчилль) он вернулся в родную Англию и попросил тихую маленькую кузину стать его женой.

Характерно для мамы, что она решительно отказала ему.

– Но почему же? – спросила я ее однажды.

– Потому что я была скучная, – ответила она.

Причина довольно-таки необычная, но для мамы совершенно достаточная.

Отец не стал спорить. Он повторил предложение, и на сей раз мама, преодолев свои опасения, согласилась выйти замуж за него, хотя с большими сомнениями, и страх разочаровать мужа по-прежнему терзал ее.

Так они поженились. У меня есть портрет мамы в свадебном платье: красивое серьезное лицо, темные волосы и большие глаза цвета ореха.

Сад!

Прекрасный, надежный и вместе с тем такой волнующий мир детства! Меня, наверное, больше всего увлекал сад. С каждым годом он значил для меня все больше и больше. Я

знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль. С незапамятных времен он делился для меня на три части.

Во-первых, огород, обнесенный высокой стеной, примыкающей к дороге. Совершенно неинтересно, если не считать клубники и зеленых яблок, которые я поглощала в огромных количествах. Кухня – все ясно. Никакого волшебства.

Потом шел собственно сад – вытянутая в длину лужайка, сбегаящая по склону холма, усеянная разными интересными «существами». Каменный дуб, кедр, секвойя (такая высокая, что голова кружилась). Две пихты, по неясной для меня теперь причине олицетворявшие моих брата и сестру. Я осторожно проскальзывала на третью ветку дерева Монти. Если же тихонько пробраться в глубь кроны дерева Мэдж, можно было сесть на гостеприимно изогнувшуюся ветку и оттуда никем не замеченной наблюдать за жизнью внешнего мира. И еще там было дерево – я называла его скипидарным – с густой и сильно пахнущей смолой, которую я тщательно накапливала: это был «драгоценный бальзам». И возвышался бук – самое высокое дерево в саду, щедро раскидывавший кругом орешки, которые я с наслаждением поедала. Медный бук, который тоже рос в нашем саду, я почему-то не причисляла к своим деревьям.

И наконец, лес. В моем воображении он выглядел, да и сейчас смутно вырисовывается как самый настоящий Нью-Форест. Лиственный, скорее всего, ясеневый лес, с вьющейся

между деревьями тропинкой. Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь. Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали... Лесная тропа выводила к крокетной площадке или теннисному корту на вершине откоса против окна гостиной. Тотчас волшебство кончалось. Вы снова оказывались в мире повседневности, где дамы, придерживая подол юбки, катили крокетные шары или в соломенных шляпках играли в теннис.

Мои Котята и другие...

Досыта насладившись игрой в сад, я возвращалась в детскую, где царила Няня – раз и навсегда, непреложно и неизменно. Может быть, оттого, что она была уже совсем немолода и страдала ревматизмом, я всегда играла рядом с Няней, но никогда – с ней самой. Больше всего я любила превращаться в кого-нибудь. Сколько себя помню, в моем воображении существовал целый набор разных придуманных мною друзей. Первая компания, о которой я ничего не помню, кроме названия, – это Котята. Кто были Котята, не знаю, – не знаю также, была ли я одним из них, – помню только их имена: Кlover, Блэки и еще трое. Их маму звали миссис Бенсон.

Няня была достаточно мудрой, чтобы не говорить со мной о них и не пытаться принять участие в беседе, тихо журчавшей у ее ног. Может быть, ее вполне устраивало, что я так легко нахожу себе развлечения.

Поэтому для меня было страшным ударом, когда однажды, поднимаясь по лестнице, я услышала, как наша горничная Сьюзен говорит:

– По-моему, ее совершенно не интересуют игрушки. Во что она играет?

И прозвучавший в ответ голос Няни:

– О, она играет, будто она котенок с другими котятами.

Почему в детской душе существует такая настоящая потребность в секрете? Сознание, что кто-то – даже Няня – знает о Котятах, потрясло меня до основания. С этого дня я никогда больше не бормотала вслух во время игры. Это мои Котята, и никто не должен знать о них.

Разумеется, у меня были игрушки. Как младшей, мне всячески потакали и, наверное, покупали все на свете. Но я не помню ни одной, кроме, и то смутно, коробки с разноцветным бисером, который я нанизывала на нитки и делала бусы.

Из кукол помню Фебу, на которую я не слишком обращала внимание, и Розалинду, Розу. У нее были длинные золотые волосы, и я восхищалась ею невероятно, но долго играть с ней не могла, предпочитая Котят. Миссис Бенсон была ужасно бедной и печальной, – семья еле сводила концы с концами. Их отец, настоящий морской капитан Бенсон, погиб в море, поэтому они и оказались в такой нужде. Этим сюжетом сага о Котяхх более или менее исчерпывалась, если не считать, что у меня в голове смутно вырисовывался другой, счастливый конец: оказывалось, что капитан Бенсон уцелел, он возвращался, притом с солидным состоянием, как раз в тот момент, когда ситуация в доме Котят становилась уже совершенно отчаянной.

От Котят я перешла к миссис Грин. У миссис Грин было сто детей, но самыми главными всегда оставались Пудель, Белка и Дерево. Именно с ними я совершала все свои подвиги в саду. Они не олицетворяли собой точно ни детей, ни собак, а нечто неопределенно среднее между ними.

Канарейка и собака

Еще одно крупное событие произошло в моей жизни, когда мне подарили канарейку. Голди очень быстро стал ручным, летал и прыгал по детской, иногда садился даже Няне на шляпу, а когда я звала его, – мне на палец. Это была не просто моя птичка, но начало новой секретной саги. Главными персонажами были Дики и Диксмистресс. Они вместе носились верхом на конях по всей стране (сад), пускались в опасные приключения и в самый последний момент ускользали из рук грозной разбойничьей шайки.

Однажды произошло страшное несчастье: Голди исчез. Окно было открыто, и дверца его клетки отперта. Скорее всего он, конечно, просто улетел. До сих пор помню, как нескончаемо долго тянулся тот мучительный день. Он не кончался и не кончался. А я плакала, плакала и плакала. Клетку выставили за окно с кусочком сахара между прутьями. Мы с мамой обошли весь сад и все звали: «Дики! Дики! Дики!». Мама пригрозила горничной, что уволит

ее за то, что та, смеясь, сказала: «Должно быть, его съела кошка», после чего я заревела в три ручья.

И только когда я уже лежала в постели, держа за руку маму и продолжая всхлипывать, где-то наверху послышался тихий веселый щебет. С карниза слетел вниз Мастер Дики. Он облетел всю детскую и потом забрался к себе в клетку. Что за невысказанное счастье! И представьте себе только, что весь этот нескончаемый горестный день Дики просидел на карнизе.

Мама не преминула извлечь из этого происшествия урок для меня.

– Смотри, Агата, – сказала она, – до чего же ты глупенькая. Сколько слез пролила впустую! Никогда не плачь заранее, если не знаешь точно, что случилось.

Я уверила маму, что никогда не буду плакать зря. Но кроме чуда возвращения Дики что-то еще случилось со мной тогда: я ощутила силу маминой любви и ее сочувствие в момент моего горя. Единственным утешением в тот миг полного отчаяния была ее рука, которую я сжимала изо всех сил. В этом прикосновении было что-то магнетическое и успокаивающее. Если кто-то заболел, маме не было равных. Только она могла придать вам силы и жизнестойкость.

В пять лет на день рождения мне подарили собаку – это было самое оглушительное событие из всех, которые мне довелось пережить до тех пор; настолько невероятное счастье, что я в прямом смысле лишилась дара речи. Встречаясь с расхожим выражением «онеметь от восторга», я понимаю, что это простая констатация факта. Я действительно онемела, – я не могла даже выдать из себя «спасибо», не смела посмотреть на мою прекрасную собаку и отвернулась от нее. Я срочно нуждалась в одиночестве, чтобы осознать это несусветное чудо. (Такая реакция осталась характерной для меня на протяжении всей жизни – и почему надо быть такой глупой?) Кажется, насколько подсказывает память, я убежала в туалет –

идеальное место, чтобы прийти в себя, где никто не сможет потревожить мои размышления. Туалеты в те времена были комфортабельными, чуть ли не жилыми помещениями. Я опустила крышку унитаза, сделанную из красного дерева, села на нее, уставилась невидящими глазами на висевшую напротив карту Торки и стала думать об обрушившемся на меня счастье.

– У меня есть собака... собака... Моя собственная собака, моя собственная настоящая собака... Йоркширский терьер... моя собака, моя собственная настоящая собака...

Позднее мама рассказала мне, что папа был очень разочарован моей реакцией на подарок.

– Я думал, – сказал он, – девочка будет довольна. Но, похоже, она даже не обратила внимания на собаку.

Но мама, которая всегда все понимала, сказала, что мне нужно время.

– Она еще не может уяснить себе все до конца.

Пока я размышляла, четырехмесячный щенок печально побрел в сад и прижался к ногам нашего сварливого садовника по имени Дэйви. Щенка вырастил один из сезонных садовых рабочих. Вид заступа, погруженного в землю, напомнил ему родной дом. Он сел на дорожку и стал внимательно наблюдать за садовником, рыхлившим почву.

Именно здесь в положенный срок и состоялось наше знакомство. Мы оба робели и делали нерешительные попытки приблизиться друг к другу. Но к концу недели мы с Тони оказались неразлучны. Официальное имя, данное ему папой, Джордж Вашингтон, я тотчас для краткости предложила заменить на Тони. Тони был идеальной собакой для ребенка – покладистый, ласковый, с удовольствием откликавшийся на все мои выдумки. Няня оказалась избавленной от некоторых испытаний. Как знаки высшего отличия разные банты украшали теперь Тони, который с удовольствием поедал их заодно с тапочками. Он удостоился

чести стать одним из героев моей новой тайной саги. К Дики (кенарю Голди) и Диксмистресс присоединился теперь Лорд Тони.

В гостях у Бабушки

Неотразимую привлекательность таили в себе для меня дом и сад Тетушки-Бабушки. Детскую же я разделила на несколько «территорий». Первая состояла из большой оконной ниши и постеленного перед ней на полу веселого полосатого коврика. Эту часть я окрестила Комнатой Мюриэл, вероятно, под влиянием пленившего меня слова «эркер». Другая часть, сплошь покрытая брюссельским ковром, называлась Столовой. Разные кусочки ковра и линолеума я тоже считала отдельными комнатами. С озабоченным и важным видом я переходила из одной «комнаты» в другую, перешептываясь сама с собой. По обыкновению невозмутимая Няня тихонько вязала в уголке.

Добрый друг моих детских игр, Бабушка откладывала в сторону длинное письмо, которое писала с тяжелыми вздохами, густо зачеркивая строчки, «чтобы сберечь почтовую бумагу», и с удовольствием погружалась в сладостное времяпрепровождение с «цыпленком от мистера Уайтли». Сначала Бабушка выбирала цыпленка; она «звонила» торговцу, чтобы проверить, действительно ли цыпленок молодой и нежный. Меня приносили домой, со связанными крылышками и лапками, нанизывали на вертел, чтобы цыпленок зажаривался, медленно вращаясь, ставили блюдо на стол, и вот Бабушка начинала точить большой нож, готовясь разделать птицу, когда вдруг цыпленок оживал и кричал: «Это же я!» – кульминация всего действия. Эта игра могла повторяться до бесконечности.

Игра в «Старшую сестру»

Мэдж изобрела игру, которая одновременно пугала и зачаровывала меня. Игра называлась «Старшая сестра». Идея состояла в том, что в нашей семье существовала еще одна старшая сестра, старше Мэдж.

Она сошла с ума и жила в Корбин Хед, но иногда приходила домой. Они с Мэдж были похожи как две капли воды, но говорила «старшая сестра» совершенно другим голосом – страшным, елейным.

– Ты ведь знаешь, дорогая, кто я такая? Я твоя сестра Мэдж. Ты ведь не принимаешь меня за кого-то другого? Надеюсь, нет?

Я приходила в неопиcуемый ужас. Конечно, я понимала, что на самом деле это была Мэдж, что она притворялась, ну а если... Вдруг «старшая сестра» действительно существует? Этот голос, взгляд искоса. Это «старшая сестра»!

Обыкновенно мама очень сердилась.

– Я же просила тебя, Мэдж, не пугать ребенка своими глупыми играми.

Мэдж отвечала вполне резонно:

– Но она просит меня играть в это!

Я просила. Я спрашивала Мэдж:

– А скоро придет старшая сестра?

– Не знаю. Ты хочешь, чтобы она пришла?

– Да-да, хочу...

Хотела ли я в самом деле? Не знаю, но думаю, что хотела. Моя просьба никогда не удовлетворялась немедленно. Только дня через два в дверь детской стучали и раздавался голос:

– Можно мне войти, дорогая? Это твоя старшая сестра...

Многие годы спустя, стоило Мэдж заговорить голосом «старшей сестры», как у меня немедленно бежали мурашки по спине.

Почему мне нравилось это чувство ужаса? Какой инстинкт нуждается в удовлетворении страхом? Почему, в самом деле, дети любят сказки про медведей, волков и ведьм? Может быть, это бунт против чересчур благополучной жизни? Может быть, человек нуждается в ощущении некоторой опасности? Может быть, детская преступность в современном мире обязана своим возникновением чересчур благополучному обществу? Не нужно ли человеку бороться с чем-то, победить противника – доказать себе свою силу? Уберите из «Красной Шапочки» Серого Волка – разве хоть какому-нибудь ребенку это понравится? Короче говоря, как и во всем, что существует в жизни, вы нуждаетесь в некоторой порции страха, но не слишком большой.

В четыре года я влюбилась

Сокрушительное и сладостное переживание. Героем моего романа был курсант морского училища в Дартмуре, друг моего брата. Золотоволосый, голубоглазый, он пробудил во мне романтические чувства. Ему, конечно, и в голову не приходило, какую бурю переживаний он вызвал к жизни. Восхитительно индифферентный к младшей сестре своего друга Монти, он наверняка, если бы его спросили, ответил, что не нравится мне. Я пускалась наутек при его появлении, а за столом решительно от него отворачивалась. Маме приходилось напоминать мне о правилах приличия:

– Дорогая, я знаю, что ты стесняешься, но нужно быть вежливой. Это так невоспитанно – все время отворачиваться от Филиппа, а когда он заговаривает с тобой, бормотать в ответ что-то невнятное. Даже если он тебе не нравится, ты должна быть вежливой.

Не нравится! Если бы кто-нибудь только знал! Мысленно возвращаясь к своему тогдашнему состоянию, я думаю теперь: сколь малым довольствуется первая любовь! Она не требует ничего – ни взгляда, ни слова. Чистое обожание. Охваченная любовью, я брожу по улице и создаю в воображении разные героические ситуации, требующие спасения любимого. Я кормлю его, когда он болен чумой. Выхватываю из огня, загораживаю от шальной пули, совершаю все подвиги, которые только может подсказать фантазия. В этих воображаемых историях не может быть счастливого конца. Я сгораю в огне, погибаю от пули, умираю от чумы. Герой даже не подозревает о жертве, которую я ему принесла.

Я сидела на полу детской, играла с Тони, торжественная, гордая собой, и голова моя кружилась от ликования, вызванного самыми сумасбродными мечтами. Проходили месяцы. Филипп стал гардемаринном и покинул Великобританию. Некоторое время его образ жил в моем сердце, но потом незаметно исчез. Любовь ушла, чтобы возвратиться через три года, когда я безответно полюбила высокого темноволосого молодого капитана, ухаживавшего за сестрой.

Истории Няни и мамы

Раз в день, как полагалось всем хорошо воспитанным детям, я «отправлялась на прогулку». Я этого терпеть не могла, в особенности потому, что надо было застегнуть на все пуговицы ботинки, – необходимое условие. Я плелась позади, шаркая ногами; единственное, что заставляло меня ускорить шаг, были рассказы Няни. Ее репертуар состоял из шести историй, крутившихся вокруг детей из разных семей, в которых она жила. Я не помню ничего: в одной, кажется, фигурировал тигр из Индии, в другой – обезьяны, в третьей – змеи. Все были

страшно интересные, и я имела право выбирать. Няня повторяла их без устали, не проявляя ни малейших признаков неудовольствия.

Иногда как большую награду я получала разрешение снимать белоснежный Нянин чепец. Без него она сразу становилась частным лицом, теряя свой официальный статус. И тогда, с невероятным трудом задерживая дыхание, потому что для четырехлетней девочки это было совсем нелегко, я обвязывала вокруг ее головы широкую голубую атласную ленту. После чего отступала на несколько шагов назад и восклицала в восторге:

– Ой, Няня, до чего ты красивая!

Она улыбалась и отвечала своим ласковым голосом:

– В самом деле, милая?

После чая меня наряжали в накрахмаленное муслиновое платье, и я спускалась в салон, чтобы поиграть с мамой.

Если прелесть историй Няни заключалась в том, что они никогда не менялись и служили для меня оплотом незыблемости, очарование рассказов мамы состояло в том, что она ни разу не повторила ни одного из них, ее истории всегда были разными, и мы в самом деле ни разу не играли с ней в одну и ту же игру. Одна сказка, как я вспоминаю, была о мышке по имени Большеглазка. С Большеглазкой происходили разные приключения, и вдруг однажды, к моему ужасу, мама объявила, что сказки о Большеглазке кончились. Я так плакала, что мама сказала:

– Но я расскажу тебе о Любопытной Свече.

У нас были готовы уже два эпизода из жизни Любопытной Свечи, явно носившие детективный характер, когда вдруг, ни с того ни с сего, появились непрошенные гости; они пробыли у нас несколько дней, и наши тайные игры и истории повисли в воздухе неоконченными. Когда гости, наконец, уехали, я спросила маму, чем же кончается «Любопытная Свеча», – ведь мы остановились в самом захватывающем месте, когда преступник медленно подливал яд в подсвечник, – мама страшно растерялась и явно не могла вспомнить, о чем идет речь. Этот прерванный сериал до сих пор тревожит мое воображение.

Другая упоительная игра заключалась в том, чтобы собрать все банные полотенца, составить вместе столы и стулья и построить дом, в который можно было вползти только на четвереньках.

Обруч и Матильда

Размышляя о том, что доставляло мне в детстве наибольшее удовольствие, я склоняюсь к мнению, что твердое первенство принадлежало обручу, этой самой простой игрушке, которая стояла... сколько? Шесть пенсов? Шиллинг? Никак не больше. И какое неоценимое облегчение для родителей, нянь и слуг! В погожий день Агата идет в сад играть с обручем, и все могут быть совершенно спокойны и свободны, вплоть до следующей трапезы или, точнее говоря, до момента, когда даст о себе знать голод.

Обруч по очереди превращался в коня, морское чудовище и железную дорогу. Гоня обруч по тропинкам сада, я становилась то странствующим рыцарем в доспехах, то придворной дамой верхом на белом коне, Кloverом (из «Котят»), совершающим побег из тюрьмы, или – несколько менее романтично – машинистом, кондуктором или пассажиром на трех железных дорогах моего собственного изобретения.

Я разработала три ветки: «Трубная» – железная дорога с восемью станциями протяженностью в три четверти сада, «Баковая» – по ней ходил товарный поезд, обслуживающий короткую ветку, начинавшуюся от огромного бака с краном под сосной, и «Террасная» железная дорога, которая шла вокруг дома. Совсем недавно я обнаружила в чулане лист кар-

тона, на котором каких-то шестьдесят лет назад коряво начертила план железнодорожных путей.

Никак не могу постичь теперь, почему мне доставляло такое неизъяснимое удовольствие гнать перед собой обруч, останавливаться и кричать: «Ландышевая». Пересадка на «Трубную». «Труба». «Конечная. Просьба освободить вагоны». Я играла так часами. Наверное, это были великолепные физические упражнения. Я со всей прилежностью постигала искусство так бросать свой обруч, чтобы он возвращался ко мне, этому трюку меня научил один из наших друзей – морских офицеров. Сначала у меня ничего не получалось, но я упорно пробовала снова и снова и наконец уловила нужное движение – как же я была счастлива!

В дождливые дни на свет появлялась Матильда. Большая американская деревянная лошадь-качалка. Матильду подарили сестре и брату еще в Америке, когда они были маленькими. Ее привезли в Англию и теперь оставшуюся от нее бледную тень – грива вылезла, краска облупилась, хвост исчез и т. д. – поместили в примыкавшую к дому маленькую теплицу, не путать с оранжереей, помпезным сооружением, уставленным горшками с бегонией, геранью, целыми ярусами всевозможных папоротников и несколькими пальмами. Маленькая теплица называлась, сама не знаю почему, К. К. (а может быть, Кай Кай?); лишившись всех растений, она приютила у себя крокетные молотки, обручи, мячи, сломанные садовые кресла, старые крашенные железные столы, рваную теннисную сетку и Матильду.

Матильда работала прекрасно – гораздо лучше всех английских лошадей-качалок, которых я когда-либо видела. Оседланная, она скакала вперед и назад, вверх и вниз и, если ее как следует прищипорить, могла запросто сбросить седока. Рессоры, нуждавшиеся в смазке, отчаянно стонали, и к удовольствию примешивалось чувство опасности. Опять же прекрасная тренировка. Неудивительно, что я была тощей. Компанию Матильде составлял Верный, тоже заокеанского происхождения. Верный – маленький крашенный конь с педальной коляской. Вероятно, из-за долгих лет неподвижности педали больше не крутились. Щедрая порция смазки, конечно, сделала бы свое дело, но существовал гораздо более легкий способ заставить Верного служить. Подобно всем садам в Девоне, наш сад располагался на склоне холма. Мой метод состоял в том, чтобы втащить Верного на самую верхушку поросшего травой откоса, осторожно сесть на него верхом, прошептать ему на ухо что-нибудь подбад-

ривающее – и вот мы уже едем вниз, сначала медленно, потом набирая скорость, так что мне приходится тормозить ногами, чтобы остановиться у самой араукарии в глубине сада. Потом я снова втаскивала Верного на вершину, и все начиналось сначала.

Спустя несколько лет выяснилось, что в наблюдении за этим целеустремленным торжественным процессом, длившимся порой час кряду, черпал колоссальное удовольствие мой будущий зять.

С уходом Няни я, конечно, потеряла товарища своих игр. Безутешная, я бродила по саду до тех пор, пока на помощь не пришел обруч.

Как все дети, я, конечно, всегда стремилась вовлечь в свою игру сначала маму, а потом кого-нибудь из слуг. Но в те времена, если в чью-то прямую обязанность не входило играть с детьми, тем приходилось играть самим. Слуги, хоть и настроенные очень дружелюбно, были по горло заняты своей работой, а потому обычно я слышала в ответ:

– А сейчас, мисс Агата, бегите играть. У меня полно дел.

Доброта Джейн ограничивалась горстью изюма или кусочком сыра, которые она давала мне, но с непременным условием съесть все это в саду.

Так я оказалась в своем собственном мире с моими товарищами по играм. Думаю, это прекрасно. Я никогда не знала, что такое скука, унылое «мне нечего делать», в отличие от многих женщин, всю жизнь страдающих от одиночества и не знающих, чем себя занять. Свое свободное время они рассматривают как кошмар, а не источник наслаждения. Если вас постоянно развлекают, естественно, вы к этому привыкаете. И когда никто не обращает на вас внимания, приходите в полное замешательство.

Полагаю, из-за того, что подавляющее большинство детей начинают теперь ходить в школу очень рано и жизнь их организована, они совершенно не знают, куда себя деть во время каникул, и отчаянно скучают. Я всегда очень удивляюсь, когда они подходят ко мне со словами:

– Ну мне совершенно нечего делать.

Притворно ужасаясь, я спрашиваю:

– У тебя ведь очень много игрушек, не правда ли?

– Не очень.

– Ну да, разве что два поезда, грузовики, краски да кубики. Ты не можешь поиграть сам?

– Но я не умею играть один.

– Вот как? А я умею. Нарисуй птичку, потом вырежь ее, сделай клетку из кубиков и посади птичку в клетку.

Тучи расходятся, и примерно на десять минут воцаряется тишина.

Перебирая в памяти прожитые годы, я все больше и больше убеждаюсь в одном: мои пристрастия совершенно не изменились.

Все, во что я любила играть в детстве, осталось любимым занятием на всю жизнь.

Игра в дом

Думаю, у меня было разумное количество игрушек: кукольная кроватка с настоящими простынями и одеялами и доставшиеся мне от брата и сестры кубики, из которых можно было построить домик. Многие игрушки я изобретала сама. Вырезала картинки из старых иллюстрированных журналов и наклеивала их в альбомы, сделанные из коричневой толстой бумаги. Разрезала старые рулоны обоев и оклеивала ими коробки. Дело небыстрое.

Но главное удовольствие в дни, когда нельзя было гулять в саду, конечно же доставлял мне самый обыкновенный крашеный кукольный домик со свободно подвешенной передней стеной, за которой открывались кухня, столовая и холл на первом этаже, а на втором – две

спальни и ванная комната. По крайней мере, с этого все начиналось. Потом, постепенно, предмет за предметом, приобреталась мебель. Тогда в магазинах был огромный выбор очень дешевой кукольной мебели. Мои карманные деньги по тем временам составляли приличную сумму. Она складывалась из медяков, которые могли завалиться в папиных карманах. Я приходила к нему в комнату, говорила «доброе утро», а потом поворачивалась к туалетному столику посмотреть, что судьба уготовила мне на этот раз: двухпенсовик? пятипенсовик? Однажды целых восемь пенсов! А иногда вовсе ничего. Незнание делало ожидание волнующим.

Я покупала всегда одно и то же. Немножко конфет – из жженого сахара, потому что мама признавала полезными только их. Конфеты делались прямо в лавке мистера Уайтли, поэтому стоило пересечь ее порог, как по запаху сразу же можно было определить, что изготавливается сегодня: характерный запах жженого сахара – значит ириски, острый – мятные леденцы, едва уловимый – ананасовые, довольно неприятный, совсем слабый – ячменного сахара и всепобеждающий аромат находившихся в процессе приготовления грушевых леденцов.

Все стоило одинаково: восемь пенсов за фунт. Я тратила четыре пенса в неделю – по одному пенни за каждый из четырех разных сортов. Один пенс полагалось откладывать на нужды беспризорных и бездомных детей (на столе в холле стояла копилка); с сентября копилась монета на рождественские подарки, которые предстояло купить, помимо сделанных дома. Остальное шло на обустройство моего кукольного домика.

Я до сих пор помню обворожительные вещи, которые можно было купить. Продукты, например. Маленькие картонные тарелочки с жареной курицей, яичница с ветчиной, свадебный торт, баранья ножка, яблоки и апельсины, рыба, бисквит, рождественский пудинг с черносливом. Плоские коробки с ножами, вилками и ложками. Наборы крошечных рюмок. И наконец, собственно мебель. В моей гостиной стоял гарнитур из обитых голубым атласом стульев, к которым я постепенно подобрала софу и довольно громоздкое золоченое кресло. Здесь же стояли туалетный столик с зеркалом, круглый полированный обеденный стол и уродливый столовый гарнитур, отделанный оранжевой парчой. Лампы и вазы, особенно вазы с цветами. Ну и, конечно, все, что требуется в домашнем хозяйстве: щетки, совки, метла, ведра, кастрюли.

Вскоре мой кукольный домик стал похож на мебельный магазин.

А можно – вдруг можно? – чтобы у меня был еще один кукольный домик?

Мама не считала, что маленькой девочке полагалось иметь два кукольных домика. Но почему бы, осенило маму, не попробовать, предложила она, использовать для этих целей буфет? Так в моем распоряжении оказался буфет – это был бешеный успех. В просторном пустом помещении, расположенном на самом верху, папа когда-то задумывал сделать две спальни для гостей, но сестре и брату так понравилось играть там, что оно осталось комнатой для игр. По стенам кое-где стояли полки с книгами и буфеты, посередине было пусто. Мне выделили буфет с четырьмя полками, встроенный в стену. Мама разыскала обрезки красивых обоев и разрешила мне наклеивать их на полки как коврики. Собственно кукольный дом стоял на вершине буфета, став теперь шестиэтажным.

Дом, конечно, нуждался в семье, которая жила бы в нем. Я поселила туда папу и маму, двух детей и служанку, куклу с фарфоровым лицом и набитым опилками тряпичным телом. Мама сшила из лоскутков кое-какую одежду для них. А папе даже наклеила на лицо маленькую черную бородку и усики. Папа, мама, двое детей и няня. Не семья, а само совершенство. Не припоминаю, чтобы члены семьи отличались какими-то особенностями характера, – они никогда не были для меня живыми людьми, существуя только как обитатели дома. Но когда семья усаживалась вокруг стола, это действительно выглядело здорово. Тарелки, рюмки, на первое – жареная курица и потом весьма изысканный розовый пудинг.

Еще одним упоительным развлечением был переезд. Грузовой машиной служила большая картонная коробка. Мебель грузили в машину и за веревочку тянули по комнате, совершая несколько кругов, пока грузовик не останавливался у «нового дома». (Переезд совершался, по крайней мере, раз в неделю.)

Сейчас мне совершенно ясно, что я продолжаю играть в дома до сих пор. Я сменила бесчисленное множество домов, покупала дома, меняла их на другие, обставляла, отделяла, перестраивала. Дома! Благослови, Господь, дома!

Хочется закончить эти отрывки из воспоминаний А. Кристи ее же словами.

«Что доставляет в жизни самое большое удовольствие? Осмелюсь предположить, что это зависит от человека. Размышляя и припоминая, я прихожу к выводу, что для меня это почти всегда мирные часы обычной повседневной жизни. Конечно же именно тогда я ощущала самое большое счастье. Украшать голубыми бантами седую голову Няни, играть с Тони, проводить расческой пробор в шерсти на его широкой спине, скакать на воображаемой лошади вброд по реке, которую моя фантазия создала в нашем саду. Гнать обруч через все станции „Трубной“ железной дороги. Счастливые часы игр с мамой.»

Перебирая в памяти события прошедшей жизни, А. Кристи с благодарностью вспоминает, казалось бы, незначительные, мелкие подробности детства. Но в том-то и дело, что только в бытовом измерении это были мелкие «пустяки» или смешные «выдумки» ребенка, вроде завязывания голубого бантика на голове Няни, или игры в железную дорогу с обручем. Но в пространстве детства, внутреннего мира живой растущей девочки, это были часы насыщенной полной жизни, окрашенной ощущением счастья!

Марина Цветаева «Памятник-Пушкина»⁵

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – русский поэт, прозаик, переводчик, одна из самых самобытных поэтесс Серебряного века. Родилась в Москве. Ее отец, И. В. Цветаев, – профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед; основатель Музея изящных искусств. Мать, Мария Мейн, была пианисткой, ученицей Антона Рубинштейна; она мечтала о музыкальной карьере дочери. Детские годы Марины прошли в Москве и в Тарусе. Стихи она начала писать в шестилетнем возрасте.

С необыкновенной художественной силой Марина Цветаева описывает свои детские годы. Можно сказать, что в тексте ее воспоминаний слились два таланта: талант очарованного миром ребенка – и талант выдающегося художника, сумевшего выразить в словах ранний уникальный детский опыт. В этом отрывке мы знакомимся с впечатлениями и переживаниями Марины вокруг памятника Пушкина. Это – разнообразные открытия, размышления, постижения расстояния, числа, цвета, материала, масштаба и – величия поэта!

Но до «Дуэли» Наумова⁶ был другой Пушкин, Пушкин, – когда я еще не знала, что Пушкин – Пушкин. Пушкин не воспоминание, а состояние, Пушкин – всегда и от всегда, – до «Дуэли» Наумова была заря, и, из нее вырастая, в нее уходя, ее плечами рассекая, как пловец – реку, – черный человек выше всех и чернее всех – с наклоненной головой и шляпой в руке.

Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и под снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи! – плечами в зарю или в метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной шляпой в руке, называется «Памятник-Пушкина».

Памятник Пушкина был цель и предел прогулки: от памятника Пушкина – до памятника Пушкина. Памятник Пушкина был и цель бега: кто скорей добежит до Памятник-Пушкина. Только Асина нянька иногда, по простоте, сокращала: «А у Пушкина – посидим», – чем неизменно вызывала мою педантическую поправку: «Не у Пушкина, а у Памятник-Пушкина».

Памятник Пушкина был и моя первая пространственная мера: от Никитских Ворот до памятника Пушкина – верста, та самая вечная пушкинская верста, верста «Бесов», верста «Зимней дороги», верста всей пушкинской жизни и наших детских хрестоматий, полосатая и торчащая, непонятная и принятая.

⁵ Отрывки из произведений М. Цветаевой: «Мой Пушкин». СПб., 2006, и «Мать и музыка». СПб., 2001.

⁶ Картина на стене в спальне матери.

Памятник Пушкина был – обиход, такое же действующее лицо детской жизни, как рояль или за окном городской Игнатъев, – кстати, стоявший почти так же непреложно, только не так высоко, – памятник Пушкина был одна из двух (третьей не было) ежедневных неизбежных прогулок – на Патриаршие Пруды – или к Памятник-Пушкину. И я предпочитала – к Памятник-Пушкину, потому что мне нравилось, раскрывая и даже разрывая на бегу мою белую дедушкину карлсбадскую удавочную «кофточку», к нему бежать и, добежав, обходить, а потом, подняв голову, смотреть на чернолицего и чернорукого великана, на меня не глядящего, ни на кого и ни на что в моей жизни не похожего. А иногда просто на одной ноге обскакивать. А бегала я, несмотря на Андриюшину долговязость и Асину невесомость и собственную толстоватость, – лучше их, лучше всех: от чистого чувства чести: добежать, а потом уж лопнуть. Мне приятно, что именно памятник Пушкина был первой победой моего бега.

С памятником Пушкина была и отдельная игра, моя игра, а именно: приставлять к его подножию мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку – они продавались в посудных лавках, кто в конце прошлого века в Москве рос – знает, были гномы под грибами, были дети под зонтами, – приставлять к гигантову подножию такую фигурку и, постепенно проходя взглядом снизу вверх весь гранитный отвес, пока голова не отваливалась, рост – сравнивать.

Памятник Пушкина был и моей первой встречей с черным и белым: такой черный! такая белая! – и так как *черный* был явлен гигантом, а *белый* – комической фигуркой, и так как непременно нужно выбрать, я тогда же и навсегда выбрала черного, а не белого, черное, а не белое: черную думу, черную долю, черную жизнь.

Памятник Пушкина был и моей первой встречей с числом: сколько таких фигурок нужно поставить одна на другую, чтобы получился памятник Пушкина. И ответ был уже тот, что и сейчас: «Сколько ни ставь...» – с горделиво-скромным добавлением: «Вот если бы сто *меня*, тогда – *может*, потому что я ведь еще вырасту...» И, одновременно: «А если одна на другую сто фигурок, выйду – я?» И ответ: «Нет, не потому, что я большая, а потому, что я живая, а они фарфоровые».

Так что Памятник-Пушкина был и моей первой встречей с материалом: чугуном, фарфором, гранитом – и своим.

Памятник Пушкина со мной под ним и фигуркой подо мной был и моим первым наглядным уроком иерархии: я перед фигуркой великан, но я перед Пушкиным – я. То есть маленькая девочка. Но которая вырастет. Я для фигурки – то, что Памятник-Пушкина – для меня. Но что же тогда для фигурки – Памятник-Пушкина? И после мучительного думанья – внезапное озарение: а он для нее такой большой, что она его просто не видит. Она думает

– дом. Или – гром. А *она* для него – такая уж маленькая, что он ее тоже – просто не видит. Он думает – просто блоха. А меня – видит. Потому что я большая и толстая. И скоро еще подрасту.

Первый урок числа, первый урок масштаба, первый урок материала, первый урок иерархии, первый урок мысли и, главное, наглядное подтверждение всего моего последующего опыта: из тысячи фигурок, даже одна на другую поставленных, не сделаешь Пушкина.

А вот как памятник Пушкина однажды пришел к нам в гости. Я играла в холодной белой зале. Играла, значит – либо сидела под роялем, затылком в уровень кадке с филодендроном, либо безмолвно бегала от ларя к зеркалу, лбом в уровень подзеркальнику.

Позвонили, и залой прошел господин. Из гостиной, куда он прошел, сразу вышла мать, и мне, тихо: «Муся! Ты видела этого господина?» – «Да». – «Так это – сын Пушкина. Ты ведь знаешь памятник Пушкина? Так это его сын. Почетный опекун. Не уходи и не шуми, а когда пройдет обратно – гляди. Он очень похож на отца. Ты ведь знаешь его отца?»

Время шло. Господин не выходил. Я сидела и не шумела и глядела. Одна на венском стуле, в холодной зале, не смея встать, потому что вдруг – пройдет.

Прошел он – и именно вдруг – но не один, а с отцом и с матерью, и я не знала, куда глядеть, и глядела на мать, но она, перехватив мой взгляд, гневно отшвырнула его на господина, и я успела увидеть, что у него на груди – звезда.

– Ну, Муся, видела сына Пушкина?

– Видела.

– Ну, какой же он?

– У него на груди – звезда.

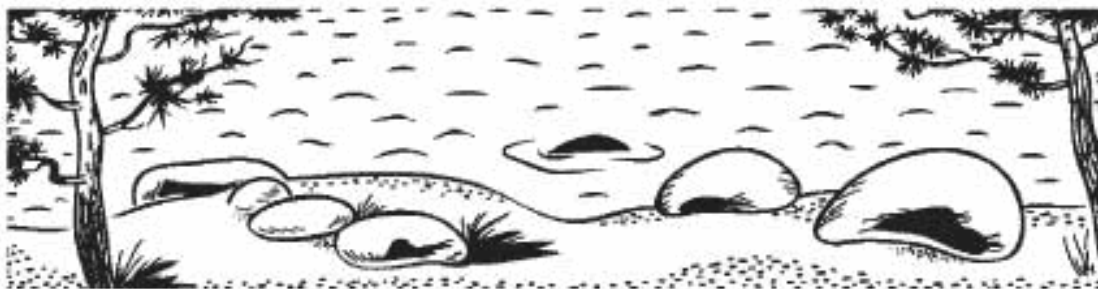
– Звезда! Мало ли у кого на груди звезда! У тебя какой-то особенный дар смотреть не туда и не на то...

– Так смотри, Муся, запомни, – продолжал уже отец, – что ты нынче, четырех лет от роду, видела сына Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать.

Внукам я рассказала сразу. Не своим, а единственному внуку, которого я знала, – няинному: Ване, работавшему на оловянном заводе и однажды принесшему мне в подарок собственноручного серебряного голубя. Ваня этот, приходивший по воскресеньям, за чистоту и тихоту, а еще и из уважения к высокому сану няни, был допускаем в детскую, где долго пил чай с баранками, а я от любви к нему и его птичке от него не отходила, ничего не говорила и за него глотала.

«Ваня, а у нас был сын Памятник-Пушкина». – «Что, барышня?» – «У нас был сын Памятник-Пушкина, и папа сказал, чтобы я это тебе сказала». – «Ну, значит, что-нибудь от папаши нужно было, раз пришли...» – неопределенно отозвался Ваня. «Ничего не нужно было, просто с визитом к нашему барину, – вмешалась няня. – Небось сами – полный енерал. Ты Пушкина-то на Тверском знаешь?» – «Знаю». – «Ну, сынок их, значит. Уже в летах, вся борода седая, надвое расчесана. Ваше высокопревосходительство». Так, от материнской обмолвки и няниной скороговорки и от родительского приказа смотреть и помнить – так это у меня и осталось: к нам в гости приходил сын Памятник-Пушкина. Но скоро и неопределенная принадлежность сына стерлась: сын Памятник-Пушкина превратился в сам Памятник-Пушкина. К нам в гости приходил сам Памятник-Пушкина.

Взрослый в мире ребенка, ребенок в мире взрослого

Отношение взрослых к внутренней жизни ребенка – тонкое и деликатное дело, о котором стоит помнить.

Прежде всего, очень важно *знать* о сокровенной жизни детей, о том, что она есть. Здесь нам на помощь может прийти внимательное наблюдение за ребенком, всматривание и вслушивание во все, что он произносит и делает в течение дня, наконец, очень полезно читать воспоминания о детстве. Во-вторых, важно *понимать* и принимать возрастные особенности ребенка, его право и даже необходимость быть другим. И, наконец, совершенно необходимо *беречь* его внутренний мир!

В первом рассказе, взятом из воспоминаний Л. К. Чуковской, мы увидим, как все это делал Корней Иванович Чуковский, общаясь со своими детьми.

Л. К. Чуковская. «Коля мечтает»⁷

В Куоккале он не только охотно играл с нами каждый свой свободный час, но и старательно оберегал от посторонних и даже собственных вторжений наши самостоятельные утехы и выдумки – в особенности те, в которых чувствовал ростки одухотворенности, творчества. Коля любил мечтать. И притом в одиночестве.

– Уходи отсюда, – говорил мне Коля. – Разве ты не видишь, я мечтаю.

Нет, это совсем не означало, что он сидел на камне, подперев щеки руками, и мечтательно глядел на облака. «Мечтать» на его языке означало прыгать с камня на камень вдоль берега у самой воды и то прятаться от невидимых врагов, таившихся в засаде, то самому устраивать засаду на них, то кидаться в гущу преследователей, разя их направо и налево. Он без усталости перепрыгивал с камня на камень и, размахивая палкой, которая была по мере надобности и ружьем, и бумерангом, и пикой, и шашкой, быстро негромко и непрерывно выкрикивал:

– И вот они вылетели из густых зарослей. Бах, бах, раздались выстрелы, но ни одна пуля не коснулась его головы! Зато от его пуль не поздоровилось нападавшим! Трах-тах-тах! – неслось из-за скалы, где он залег, прижимая ружье к виску. Убитые падали градом. Лошади поднимались на дыбы и, сбрасывая всадников с седел, в бешеном испуге мчались обратно в прерии.

(«Уходите, – кричал он, заметив меня или Бобу, – разве вы не видите, я тут мечтаю!»)

⁷ Чуковская Л. Памяти детства. М., 2007.

Десятки тел оставались лежать на земле. Он встал во весь рост и оглядел пустыню. Он знал, что, собравшись с силами, они вернутся. В его распоряжении не более трех минут. Помощи ждать неоткуда. Необходимо укрепить позицию.

И Коля, отбросив палку, начинал, судорожно ползая по песку, стаскивать в одно место песок и камни. Смотреть на него было завидно. Мне тоже хотелось прыгать по камням и прикладывать палку к виску – бах! бах! А он не берет в игру. Ну и не брал бы, пусть, я буду играть сама, но он с берега гонит. Несправедливо! И я бежала домой жаловаться. Но жалоба моя не имела успеха. Наш капитан, предводитель и верховный судья, вчера еще так беспощадно накричавший на Колю за карты, сегодня не хотел ему мешать. Он охранял его бегом по камням. Тут деятельно работали воображение, свежий ветер, литературная память. Это была Ее Величество Игра. Объяснять это все мне в ту пору он, разумеется, не мог, но и обижать ему меня не хотелось.

– Вот что, Лидочек, – говорил он извиняющимся, вкрадчивым голосом. – Давно я тебе ничего не рисовал. Вот, гляди – я буду рисовать, а ты угадывай.

Пером или черным карандашом он рисовал карикатуры – очень меткие. Сразу можно было угадать кто – кто. Впереди носатый булочник в картузе, с черным кругом и плетеной корзиной на голове, – тот самый, что приносит нам по воскресеньям выборгские крендели. Кажется, будто слышишь скрип его корзины. А вот это – репинский дворник, он же кучер. Тот, который позволяет мне заплетать косичками гриву лошади Любы. А вот и сама Люба. Ее старая добрая морда.

Но сегодня я не радовалась картинкам. Будто я не понимаю! Он просто хочет, чтобы я не мешала Коле. И для этого рисует дворника и лошадь.

А Коля захватил весь берег. Все мои любимые камни. И так чуть не каждый день. Сколько раз я уже слышала:

– Боба, Лида, не ходите в ту сторону! Там Коля мечтает!

Не надо мне картинок. Мне нужна справедливость.

«И вот кони сшиблись в богатырской схватке. И вот всадники крючьями вцепились друг другу в пояса... И вот Илья уже летит через гриву лошади – наземь...»

Ребенок особенно легко погружается в свои фантазии, когда остается один. Важно видеть такие моменты и оставлять его в покое. К. И. Чуковский это хорошо понимал. Больше того, он ценил такие состояния, как проявления «одухотворенности и творчества». Но иногда ребенок хочет поделиться своими фантазиями и переживаниями. Вспомним ощущения маленькой Марины: «Но в конце концов любить и не говорить — *разорваться*...» или ее же мольбы о море: «Давай помечтаем!»

Часто дети просят поиграть с ними (в учителя, доктора, дочки-матери) и через игру выражают и проживают свои накопившиеся эмоции. То же происходит и при совместном рассказывании историй или сказок. В таких случаях взрослому приходится проявлять особую осторожность, чтобы не помешать развитию детского сюжета или мысли. Из него можно так много узнать о ребенке того, что он не выражает прямо!

Очень яркий пример устного «сотворчества», а по сути, рассказа детей о себе, своих переживаниях, чувствах мы находим в повести М. Цветаевой «Сказка матери». Фрагменты этого рассказа приведены в моей второй книге, но, признаюсь, было трудно удержаться от того, чтобы здесь не поместить этот очаровательный и очаровывающий текст целиком.

Марина Цветаева. Сказка матери⁸

– Мама, кого ты больше любишь: Мусю или меня? Нет, не говори, что все равно, все равно не бывает, кого-нибудь всегда чу-уточку больше, другого не меньше, но этого чу-уточку больше! Даю тебе честное слово, что я не обижусь (с победоносным взглядом на меня), – если – Мусю. Все, кроме взгляда, было чистейшее лицемерие, ибо и она, и мать, и, главное, я отлично знали – кого, и она только ждала убийственного для меня слова, которого я, покраснев, с не меньшим напряжением ждала, хотя и знала, что не дождусь.

– Кого – больше? Зачем же непременно кого-нибудь больше? – с явным замешательством (и явно оттягивая) – мать. – Как же я могу больше любить тебя или Мусю, раз вы обе мои дочери. Ведь это было бы несправедливо...

⁸ Цветаева М. Вольный проезд. Автобиографическая проза. СПб., 2001.

– Да, – неуверенно и разочарованно Ася, проглотив уже мой победоносный взгляд. – А все-таки – кого? Ну, хоть чу-уточку, капельку, крошечку, точечку – больше?

– Жила-была мать, у нее были две дочки...

– Муся и я! – быстро перебила Ася. – Муся лучше играла на рояле и лучше ела, а зато Ася... Асе зато вырезали слепую кишку, и она чуть не умерла...и она, как мама, умела свертывать язык трубочкой, а Муся не умела, и вообще она была (с трудом и с апломбом) ми-ни-а-тюрная...

– Да, – подтвердила мать, очевидно не слышавшая и сочинявшая свою сказку дальше, а может быть, думавшая совсем о другом, о сыновьях, например, – две дочери, старшая и младшая.

– А зато старшая скоро состарилась, а младшая всегда была молодая, богатая и потом вышла замуж за генерала, Его Превосходительство, или за фотографа Фишера, – возбужденно продолжала Ася, – а старшая за богадела Осипа, у которого сухая рука, потому что он убил брата огурцом. Да, мама?

– Да, – подтвердила мать.

– А младшая потом еще вышла замуж за князя и за графа, и у нее было четыре лошади: Сахар, Огурчик и Мальчик – одна рыжая, другая белая, другая черная. А старшая – в это время – так состарилась, стала такая грязная и бедная, что Осип ее из богадельни выгнал: взял палку и выгнал. И она стала жить на помойке, и столько ела помойки, что обратилась в желтую собаку, и, вот, раз младшая едет в ландо и видит: такая бедная, гадкая, желтая собака ест на помойке пустую кость, и – она была очень, очень добрая! – ее пожалела: «Садись, собачка, в экипаж!», а та (с ненавистным на меня взглядом) – сразу влезла – и лошади поехали. Но вдруг графиня поглядела на собаку и нечаянно увидела, что у нее глаза не собачьи, а такие гадкие, зеленые, старые, особенные – и вдруг узнала, что это ее старшая, старая сестра, и разом выкинула ее из экипажа – и та разбилась на четыре части вдребезги!

– Да, – снова подтвердила мать. – Отца у них не было, только мать.

– А отец умер – от диабета? Потому что слишком много ел сахару, да и вообще пирожных, разных тортов, кремов, пломбиров, шоколадов, ирисов и таких серебряных конфет со щипчиками, да, мама? Хотя Захарьин ему запретил, потому что это вас сведет в могилу!

– При чем Захарьин, – внезапно очнулась мать, – это было давно, когда еще никакого Захарьина не было, и вообще никаких докторов.

– А слепая кишка была? Ап-пен-ди-цит? Такая маленькая, маленькая кишка, совсем слепая и глухая, и в нее все сыпется: разные кости, и рыбы хребты, и вишневые кости тоже, и кости от компота, и всякие ногти... Мама, а я сама видела, как Муся объела карандаш! Да, да, у нее не было перочинного ножика, и она чинила зубами, а потом глотала, все чинила и глотала, и карандаш стал совсем маленький, так что она даже потом не могла рисовать и за это меня *страшно* ущипнула!

– Врешь! – от негодования и изумления прохрипела я. – Я тебя ущипнула за то, что ты при мне объедала *мой* карандаш, с «Муся» чернилом.

– Ма-ама! – заныла Ася, но, по невыгодности дела, тут же меняя рейс. – А когда человек сказал да, а во рту – нет, то что же он сказал? Он ведь *два* сказал, да, мама? Он пополам сказал? Но если он в эту минуту умрет, то куда же он пойдет?

– Кто куда пойдет? – спросила мать.

– В ад или в рай? Человек. Наполовину враный. В рай?

– Гм... – задумалась мать. – У нас – не знаю. У католиков на это есть чистилище.

– Я знаю! – торжествуя Ася. – Чистильщик Дик, который маленькому Лорду подарил красный фуляр с подковами и лошадиными головами.

– И вот, когда тот разбойник потребовал, чтобы она выбрала, она, обняв их обеих сразу, сказала...

– Мама! – завопила Ася. – Я совсем не знаю, какой разбойник!

– А я знаю! – я, молниеносно. – Разбойник – это враг этой дамы, этой мамы, у которой было две дочери. И это, конечно, он убил их отца. И потом, потому что он был очень злой, захотел еще убить одну из девочек, сначала двух...

– Ма-ама! Как Муся смеет рассказывать твою сказку?

– Сначала двух, но Бог ему запретил, тогда – одну...

– И я знаю *какую!* – Ася.

– Не знаешь, потому что он сам не знал, потому что ему было все равно какую, и он только хотел сделать неприятность той даме – потому что она за него не вышла замуж. Да, мама?

– Может быть, – сказала мать, прислушиваясь, – но я этого и сама не знала.

– Потому что он был в нее *влюблен!* – торжествовала я, и уже безудержно: – И ему лучше было ее видеть в могиле, чем...

– Какие африканские страсти! – сказала мать. – Откуда это у тебя?

– Из Пушкина. Но я другому отдана, но буду век ему верна. (И после краткой проверки.) Нет, кажется, из «Цыган».

– А по-моему, из «Курьера», который я тебе запретила читать.

– Нет, мама, в «Курьере» – совсем другое. В «Курьере» были эльфы, то есть сильфы, и они кружились на поляне, а молодой человек, который ночевал в копне сена, потому что его проклял отец, вдруг влюбился в самую главную сильфиду, потому что она походила на молочную сестру, которая утонула.

– Мама, что такое молочная сестра? – спросила присмирившая, подавленная моим превосходством Ася.

– Дочь кормилицы.

– А у меня есть молочная сестра?

Мать, на меня:

– Вот.

– Фу! – сказала Ася.

– А Ася, мама, не моя, правда, мама?

– Не твоя, – подтвердила мать. – Потому что Асю кормила я, а тебя – кормилица. Твоя молочная сестра – дочь твоей кормилицы. Только у твоей кормилицы – был сын. Она была цыганка и очень злая и страшно жадная, до того жадная, что, когда бабушка ей однажды вместо золотых серег подарил позолоченные, она вырвала их из ушей и так втоптала в паркет, что потом ничего не могли найти.

– А у тех девочек, которых потом убили, сколько было кормилиц? – спросила Ася.

– Ни одной, – ответила мать, – их мать кормила сама, потому, может быть, так и любила и ни одной не могла выбрать и сказала тому разбойнику: «Выбрать я не могу и никогда не выберу. Убей нас всех сразу». – «Нет, – сказал разбойник, – я хочу, чтобы ты долго мучилась, а обеих я не убью, чтобы ты вечно мучилась, что эту – *выбрала*, а ту... Ну, которую же?»

– «Нет, – сказала мать. – Скорей *ты* умрешь, здесь передо мной стоя, от старости или от ненависти, чем я – сама осужу одну из моих дочерей на смерть».

– А кого, мама, она все-таки больше жалела? – не вытерпела Ася. – Потому что одна была болезненная... плохо ела, и котлет не ела, и бобов не ела, а от наваги ее даже тошнило...

– Да! А когда ей давали икру, она мазала ее под скатерть, а селедку жеваную выплевывала Августе Ивановне в руку... и вообще под ее стулом всегда была помойка, – я, с ненавистью.

– Но чтобы она нечаянно не умерла с голоду, мама становилась перед ней на колени и говорила: «Ну ррради Бога, еще один кусочек: открой, душенька, ротик, я тебе положу этот кусочек!» Значит, мама ее – больше любила!

– Может быть... – честно сказала мать, – то есть больше – жалела, хотя бы за то, что так плохо выкормила.

– Мама, не забудь про аппендицит! – взволнованно, Ася. – Потому что у младшей, когда ей стукнуло четыре года, – тогда она стукнулась об камень, и у нее сделался аппендицит – и она бы, наверное, умерла – но ночью приехал доктор Ярхо – из Москвы – и даже без шапки и без зонтика, – а шел даже град! – и он был совершенно мокрый. Это – правда – мама, *святой* человек?

– Святой, – убежденно сказала мать, – я святее не встречала. И притом – совершенно больной, и мог бы тогда простудиться насмерть, – ведь *какая* гроза! И еще, бедный, тогда так упал перед самой дачей...

– Мама! А почему у него не сделалась слепая кишка? Потому что он доктор – да? А когда доктор заболит – кто его спасет? Просто – Бог?

– Всегда – Бог. И тогда тебя – Бог. Через доктора Ярхо.

– Мама, – я, устав слушать про Асю, – а почему, если он святой, он всегда говорит вместо живот – *пузо*? «Что, Муся, опять пузо болит?» Ведь это неприлично?

– *Непривычно*, – сказала мать. – Может быть, его в детстве так научили?.. Конечно, странно. Но с таким сердцем и все позволено. И не то позволено. И я всегда, пока сама жива буду, буду ставить за его здоровье свечу.

– Мама, а что же те девочки, так и остались незарезанные? – после долгого общего молчания спросила Ася. – Или ему просто надоело, что она так долго думает, и он так – ушел?

– Не ушел, – сказала мать. – Не ушел, а сказал ей следующее: «Зажжем в церкви две свечи, одна будет...»

– Муся! А другая Ася!

– Нет, имен в этой сказке нет. «...левая будет старшая, а правая младшая. Которая скорее догорит, ту и...» Ну, вот. Взяли две свечи, совершенно одинаковых...

– Мама! Одинаковых не бывает. Одна была все-таки чу-уточку, кро-охотку...

– Нет, Ася, – уже строго сказала мать, – я тебе говорю, совершенно одинаковые. «Сама зажигай», – сказал разбойник. Мать, перекрестясь, зажгла. И свечи стали гореть – ровно-равно и даже как будто не уменьшаясь. Уж ночь наступила, а свечи все горят: одна другой не меньше, не больше, две свечи – как два близнеца. Бог их знает, сколько еще времени будут гореть. Тогда разбойник сказал: «Иди к себе, а я пойду к себе, а утром, как только солнце встанет, мы оба придем сюда. Кто первый придет – другого будет ждать».

Вышли и заперли дверь на огромный замок, а ключ положили под камень.

– А разбойник, мама, конечно, раньше прибежал? – Ася.

– Погоди! Настало утро, взошло солнце. И вот, один другого не раньше, один другого не позже – с двух разных сторон – разбойник слева, мать справа – потому что от церкви расходились две совершенно одинаковых дороги, как две руки, как два крыла – и вот по

разным дорогам, с двух разных сторон, шаг в шаг, секунда в секунду к церкви – а против церкви – солнце вставало – разбойник и мать. Открывают замок, входят в церковь, и...

– Одна свечка совсем сгорела: че-ерная! А другая еще чу-уточку... – взволнованно Ася.

– Две черные, – трезво я. – Потому что, конечно, за целую ночь обе-две сгорели, но так как никто не видел, – то все опять сначала.

– Нет. Обе свечи горели ровно, одна другой не меньше, одна другой не больше, нисколько не сгорев, ни на столечко не сгорев... Как вчера поставили – так и стояли. И мать стояла, и разбойник стоял, и сколько они так стояли – неизвестно, но когда она опомнилась – разбойника не было – как и куда ушел – неизвестно. Не дождались его и в его разбойничьем замке. Только через несколько лет в народе пошел слух о каком-то святом отшельнике, живущем в пещере, и...

– Мама! Это был – разбойник! – закричала я. – Это всегда так бывает. Он, конечно, стал самым хорошим на земле, после Бога! Только – ужасно жаль.

– Что – жаль? – спросила мать.

– Разбойника! Потому что когда он так, как побитая собака, – поплелся – ни с чем! – она, конечно... я *бы*, конечно, его страшно полюбила: взяла бы его в дом, а потом бы непременно на нем женилась.

– Вышла бы за него замуж, – поправила мать. – Женятся – мужчины.

– Потому что она его и *вперед* любила, только она уже была замужем, как Татьяна.

– Да, но ты совершенно забыла, что он убил ее мужа, – сказала мать взволнованно, – разве можно выходить замуж за убийцу отца своих детей...

– Нет, – сказала я. – Ей бы по ночам было бы очень страшно, потому что тот бы стал являться к ней с отрубленной головой. И всякие звуки бы начались. И, может быть, дети бы заболели... Тогда, мама, я бы сама стала отшельником и поселилась в канаве...

– А дети? – спросила мать глубоко-глубоко. – Разве можно бросить детей?

– Ну, *тогда*, мама, я стала бы писать ему стихи в тетрадку!

Детям трудно, а до некоторого возраста и невозможно «адекватно» реагировать на известных людей, так называемых знаменитостей. Собственно говоря, а что значит «адекватно»? Нет ли в детском восприятии большой доли правды: знаменитость ведь тоже человек! Об этом – в следующем отрывке из тех же воспоминаний Л. К. Чуковской.

Л. К. Чуковская. «Люди как люди!»

Разбуженная, моя память оказывается на удивление инфантильной. В именитых людях, посещавших наш дом по воскресеньям, а иногда и в другие дни недели, она сохранила черты не основные, а побочные, не главные, а случайные. Не те, какие в прославленном человеке интересны взрослому, а те, какие в каждом прохожем интересны ребенку. Если мимо шагает прохожий, ведя на цепочке собаку, то всякий ребенок заинтересуется сначала собакой, а уж потом – человеком. Лошадь, которую ты гладил в детстве по шелковой шерсти и кормил сахаром с ладони, – она незабвенна. А уж первая белка! Репин. Мастерская. Помню холсты на мольбертах, много Пушкиных, Шаляпина, помню каких-то черных загорелых людей, размашисто гребущих в широкой лодке среди волн. Помню Репина за письменным столом у Корнея Ивановича, изображающим кого-то в «Чукоккале» папиросным окурком, который он макает в чернильницу. Но мне семь лет, и гораздо более, чем о портретах, картинах, кистях, холстах и таком странном орудии, как окурки, я думаю о том: правда ли рассказывают, будто репинский Мик кинулся недавно во дворе у соседней на живую курицу? и съел ее? Собаки не могут без мяса, а жена Репина, Наталья Борисовна, ни мяса не ест, ни молока не пьет и никому не позволяет – не только гостям, но и Репину самому, а Мика перевела на одни

каши... вот с горя он и бросился на курицу. Интересно, съел ли он ее и как? Разорвал в клочки или проглотил живьем? Это ужасно занимает меня и Бобу. И в мастерской у Репина нас не более занимают картины, чем жгучий вопрос: если тут играть в прятки – не будут ли видны ноги из-за пышных занавесей, опущенных над холстами? И еще: позволит ли мне кучер снова заплетать в косички гриву репинской лошади Любы, чтобы волосы не падали ей на глаза? И самое главное: правду ли Репин сказал мне, что к нему в парк каждый день приходит белка? Спросить не решаюсь, а мне смерть как хочется знать. Помню моторную яхту, которая никак не могла пристать к нашему берегу: мелко! и матроса в бескозырке с золотой ленточкой, и лодку, которая была спущена с яхты и называлась шлюпкой, и человека в белом свитере и с биноклем через плечо, о котором я слышала столько разговоров кругом: Леонид Андреев. Но я на него еле взглянула. Гораздо больше занял меня матрос. Тельняшка. Трепещущая на ветру ленточка с золотыми буквами «Дальний». Первый мотор и первый матрос в жизни. Звук мотора, стучащий, мертвый, чуждый плеску волн, синеве, тишине. Помню день, когда Корнея Ивановича навестил гостивший в «Пенатах» Шаляпин. Пения его слышать мне не довелось; но, когда он поднимался в кабинет на второй этаж, я в недоумении глянула в окно: мне показалось, там, в саду, зашумели деревья. Это он напевал себе под нос, поднимаясь по лестнице. Поразило меня, что он не только шире в плечах, крупнее, огромнее нашего отца, но и выше его на целую голову. «Полтора папы». В кабинете за ними закрылась дверь, и прямо носом в дверь уткнулась, застыла собака: широкогрудая, зубы наружу и в попоне с бубенчиками. Она ни на секунду не отходила от двери, за которой скрылся хозяин. Я впервые видела собаку в попоне... Она была противная, хрипела, сопела... У Шаляпина был лакей-китаец; первый мой китаец в жизни: с длинной косой, в шароварах. Он обращался со мной изысканно вежливо, как со взрослой дамой, чем очень меня конфузил; а Коле дарил китайские марки для альбома. Мы то и дело бегали к нему в репинскую дворницкую, влекомые желтым лицом, косой, шароварами, поклонами.

В Андрееве более всего поразил меня матрос и моторка, в Шаляпине – китаец и собака с бубенчиками. И матрос, и моторка, и собака – были впервые в жизни. Правда, и Леонид Андреев и Шаляпин были тоже впервые, но в них-то что особенного? Писатель, артист, значит, люди как люди, заурядные, обыкновенные, привычные. А вот матрос! А вот лакей, да еще китаец! Это – невидаль. Что же касается всесветной известности Андреева, Репина или Шаляпина, то, к счастью, «воздух искусства» оставлял нас детьми и не учил пялить глаза на знаменитостей. Понятие славы было невнятно нам. Да и знаменитости умели вести себя так, будто им решительно ничего не ведомо о собственной славе.

Разумеется, Корней Иванович был доволен, что присутствие Леонида Андреева или Шаляпина не заставляло нас чувствовать себя какими-то особенными: «а у нас Шаляпин был!». Он ведь так и хотел: «дети как дети». Для этого, чтобы мы оставались детьми, были и шарady, и лодка, и босоноготь, и городки, и лыжи, и путешествия. И в то же время, как я понимаю теперь, он, преклонявшийся перед талантом, был несколько смущен и даже шокирован, убеждаясь, что изобилие знаменитостей, постоянно посещавших наш дом, делало их в наших глазах заурядными. Стирало с них чудесность. Мы утрачивали ощущение счастья в их присутствии – ощущение, какого сам он не терял никогда. Репин? Ну и что с того: Репин. Короленко? «Да, папа, я забыл, – докладывал Коля, – когда тебя не было дома, заезжал Владимир Галактионович... Представь себе, он на велосипеде, прислонил велосипед к забору и

пошел к нам... Просил тебе передать... А как ты думаешь, кто быстрее: самый медленный поезд или самый быстрый велосипед?»

Ему иногда казалось: перед нашими глазами пересыпают драгоценные камни, а мы как бы не видим их блеска и предпочитаем играть с мальчишками или девчонками в камешки на берегу.

И хорошо. Это нам по возрасту: в камешки... Но все же...

Беспокоился он напрасно. Помню, через десятилетия, когда мне было уже не семь, а тридцать, я однажды сказала ему, что часто встречаюсь теперь с Анной Ахматовой (когда-то сам же он мельком меня с ней познакомил). В ответ он спросил требовательно-встревоженным голосом:

– Я надеюсь, ты понимаешь, что следует записывать каждое ее слово?

Я понимала. И этим пониманием обязана я ему, его отношению к поэзии и культуре, его чувству преемственности, «Чукоккале», тому утру, когда я увидела, с какой осторожностью прикасается он к подлинным рукописям Некрасова.

Чувство значимости мастера, художника приходит с возрастом, когда человек способен воспринять его вклад в культуру, и еще больше – внутренне откликнуться на него. Но ребенок еще не обременен ни знаниями, ни запасом культурного опыта, ни тем более представлениями о славе. В отличие от взрослого, он совсем не робеет перед «великими». Очень похожий пример можно прочесть в воспоминаниях Агаты Кристи.

Агата Кристи. «В моей памяти осталось...»

В дни моей юности к нам часто приходили очень интересные люди, и жаль, что я не обращала на них внимания.

Все, что я помню о Генри Джеймсе, – это сетования мамы на то, что во время чая он всегда разламывал пополам кусок сахара, – чистое притворство, как будто не было другого, маленького.

Приходил Редьярд Киплинг, и опять в моей памяти осталось лишь, как мама с подругой обсуждают, почему же он в свое время женился на миссис Киплинг. Обсуждение кончилось тем, что мамина подруга сказала:

– Я знаю почему. Они прекрасно дополняют друг друга.

Приняв слово *complement* за *compliment*, я нашла это заключение совершенно бессмысленным. Но когда Няня в один прекрасный день объяснила мне, что самый большой комплимент, который джентльмен может сделать даме, – это предложить ей руку и сердце, все встало на место.

Хотя я всегда присутствовала на чаепитиях, одетая, как сейчас помню, в белое муслиновое платье, перепоясанное желтой атласной лентой, гости не запечатлелись в моей памяти. Люди, которых я придумывала, всегда были для меня более реальными, чем настоящие.

Зато я очень хорошо помню близкую подругу моей мамы, мисс Тауэр, главным образом потому, что она постоянно делала мне больно, и я стремилась избежать встречи с ней. У нее была привычка набрасываться на меня с поцелуями и при этом восклицать:

– Сейчас я тебя съем!

Я всегда опасалась, что она действительно может съесть меня. Всю жизнь я тщательно следила за тем, чтобы не кидаться на детей с непрошеными поцелуями. Бедные малютки, ведь они совершенно беззащитны. Дорогая мисс Тауэр, добрая, сердечная, она любила детей, но так мало задумывалась над их чувствами.

Глава 2 От увлечения к призванию

Дети – народ очень восприимчивый и эмоциональный. Нередко ранние детские впечатления перерастают в стойкий интерес, а потом и в настоящее жизненное призвание. Родителей и ученых давно занимает вопрос: ранний интерес – это проявление «заложенных» способностей или результат «внешних воздействий»? Ждать, когда наука точно ответит на вопрос о доле «генов» в способностях, не приходится. К тому же многие знания о том, как появляются и набирают силу таланты, можно найти в биографиях и автобиографиях. Воспоминания людей о собственном детстве – драгоценный подарок для ищущих родителей и озадаченных психологов.

В этой главе помещены отрывки из воспоминаний известных людей, нашедших себя в разных профессиях: артиста и режиссера (*К. С. Станиславского*), естествоиспытателя-путешественника (*Т. Хейердала*), музыканта (*С. С. Прокофьева*), физика (*Р. Фейнмана*), писателя и поэта (*М. Цветаевой*). Они жили в разные исторические эпохи, в разных странах, в семьях разного материального положения и разной культуры. Но есть много общего в судьбах зарождения и развития способностей этих детей.

Во-первых, бросается в глаза готовность детей удивляться и очаровываться, казалось бы, обычными предметами, событиями или явлениями природы. Во-вторых, получив эмоциональный «заряд» от такого впечатления, они начинают проявлять удивительную настойчивость в активном «добывании» того, что для них оказалось важным и нужным. И такая активность постепенно превращается в стойкий интерес, а потом, возможно, и в профессию. Для нас важно проследить, какое участие в развитии интереса ребенка принимали родители таких детей. Мы увидим, что это участие было очень разным. Одни родители предоставляли ребенку относительную свободу, не вмешиваясь в его «выдумки» и занятия, другие – сочувственно наблюдали со стороны; третьи – шли навстречу просьбам и активно помогали; а были и те, которые увлекались сами и увлекали своим энтузиазмом. Но во всех случаях, по воспоминаниям детей, они получали от родителей то, что мы можем назвать доброжелательным принятием, а еще – созданием «обогащенной среды», в которой находилась пища для пытливого ума и эмоциональной увлеченности ребенка.

К. С. Станиславский Детство⁹

Константин Сергеевич Станиславский (1863–1938) – известный русский театральный режиссер, актер, театральный педагог. Родился в Москве, по рождению и воспитанию принадлежал к высшему кругу русских промышленников. В семье увлекались театром, в московском доме был специально перестроенный для театральных представлений зал. В 1898 году совместно с Немировичем-Данченко основал Московский художественный театр. В 1936 году К. С. Станиславскому было присвоено звание Народного артиста СССР.

Мы открываем этот раздел отрывками из книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Это автобиографическое повествование автор начал писать в 60-летнем возрасте. За плечами стояли десятилетия напряженной жизни и работы. Здесь, на первых страницах воспоминаний мы узнаем о том, «как все начиналось».

Ранние воспоминания

Я родился в Москве в 1863 году. Мои отец и мать не любили светской жизни и выезжали только в крайних случаях. Они были домоседы. Мать проводила свою жизнь в детской, отдавшись целиком нам, ее детям, которых было десять человек.

Мои родители были влюблены друг в друга и в молодости, и под старость. Они были также влюблены и в своих детей, которых старались держать поближе к себе.

Из моего далекого прошлого я помню ярче всего мои собственные крестины, конечно, созданные в воображении, по рассказам няни.

⁹ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве (1925).

Другое яркое воспоминание из далекого прошлого относится к моему первому сценическому выступлению. Это было на даче в имении Любимовка, в тридцати верстах от Москвы, около полустанка Тарасовка Ярославской ж. д. Спектакль происходил в небольшом флигеле, стоявшем во дворе усадьбы. В арке полуразвалившегося домика была устроена маленькая сценка с занавесью из пледов. Как полагается, были поставлены живые картины «Четыре времени года». Я – не то трех-, не то четырехлетним ребенком – изображал зиму. Как всегда в этих случаях, посреди сцены ставили срубленную небольшую ель, которую обкладывали кусками ваты. На полу, укутанный в шубу, в меховой шапке на голове, с длинной привязанной седой бородой и усами, постоянно всползавшими сверху, сидел я и не понимал, куда мне нужно смотреть и что мне нужно делать. Ощущение неловкости при бессмысленном бездействии на сцене, вероятно, почувствовалось мною бессознательно еще тогда, и с тех пор и по сие время я больше всего боюсь его на подмостках. После аплодисментов, которые мне очень понравились, на бис мне дали другую позу. Передо мной зажгли свечу, скрытую в хворосте, изображавшем костер, а в руки мне дали деревяшку, которую я, как будто, совал в огонь.

«Понимаешь? Как будто, а не в самом деле!» – объяснили мне.

При этом было строжайше запрещено подносить деревяшку к огню. Все это мне казалось бессмысленным. «Зачем как будто, если я могу по-всамделишному положить деревяшку в костер?»

Не успели открыть занавес на бис, как я с большим интересом и любопытством потянул руку с деревяшкой к огню. Мне казалось, что это было вполне естественное и логическое действие, в котором был смысл. Еще естественнее было то, что вата загорелась, и вспыхнул пожар. Все всполошились и подняли крик. Меня схватили и унесли через двор в дом, в детскую, а я горько плакал.

После того вечера во мне живут, с одной стороны, впечатления приятности успеха и осмысленного пребывания и действия на сцене, а с другой стороны – неприятности провала, неловкости бездействия и бессмысленного сидения перед толпой зрителей.

Цирк

Воспоминания о более поздних детских чувствованиях еще ярче врезались в душу. Они относятся к области артистических потребностей и переживаний. Стоит мне теперь воскресить в памяти обстановку прежней детской жизни, и я снова точно молодею и ощущаю знакомые чувства.

Вот канун и утро праздника; впереди день свободы. Утром можно встать поздно, а затем – день, полный радостей; они необходимы, чтобы поддержать энергию на предстоящий длинный ряд безрадостных учебных дней, скучных вечеров. Природа требует веселья в праздник, и всякий, кто этому мешает, вызывает в душе злость, недобрые чувства, а тот, кто этому способствует, – нежную благодарность.

За утренним чаем родители нам объявляют, что сегодня надо ехать с визитом к тетке (скучной, как все тетки), или, – еще того хуже, – что после завтрака к нам приедут гости – нелюбимые нами двоюродные братья и сестры. Мы столбенеем, теряемся. С таким трудом дожили мы до свободного дня, а у нас отняли его и сделали скучные будни. Как дотянуть до будущего праздника?

Раз сегодняшней день пропал, единственная надежда, какая нам остается, – вечер. Кто знает, может быть, отец, который лучше всех понимает детские потребности, уже позаботился о ложе в цирк или хотя бы в балет, или даже, на худой конец, в оперу. Ну, пусть даже в драму... Билетами в цирк или в театр ведал управляющий домом. Расспрашиваешь, где он. Уехал? Куда? Направо или налево? Отдавали ли приказ кучерам беречь битюгов (большие, сильные лошади)? Если да, – хороший признак. Значит, нужна большая четырехместная карета – та самая, в которой возят детей в театр. Если же битюги уже ходили днем, – плохой признак. Ни цирка, ни театра не будет.

Но управляющий вернулся, вошел в кабинет к отцу и передал ему что-то из бумажника. Что же, что? Подкарауливаешь: лишь только отец выйдет из кабинета, скорей к письменному столу. Но на нем, кроме скучных деловых бумаг, не находишь ничего. Сердце заныло! А если заметишь желтую или красную бумажку, т. е. билет в цирк, – тогда сердце забьется так, что слышны удары, и все кругом засияет. Тогда и тетка, и двоюродный брат не кажутся такими скучными. Наоборот, любезничаешь с гостями вовсю, для того чтобы вечером, во время обеда, отец мог сказать:

«Сегодня мальчики так хорошо принимали гостей, так милы были с тетей, что можно им доставить одно маленькое (а может быть, и большое!) удовольствие. Как вы думаете, какое?»

Красные от волнения, с кусками пищи, остановившимися в горле, мы ждали, что будет дальше.

Отец молча лезет в боковой карман, медленно, с выдержкой, ищет там чего-то, но не находит. Не в силах больше ждать, мы вскакиваем, бросаемся к отцу, окружаем его, в то время как гувернантка кричит нам строго:

«Enfants, écoutez donc ce qu'on vous dit. On ne quitte pas sa place pendant le dîner!»¹⁰

Тем временем отец лезет в другой карман, шарит в нем, достает портмоне, не спеша выворачивает карманы – и там ничего.

«Потерял!» – восклицает он, весьма естественно играя свою роль.

Кровь бежит вниз от щек до самых пяток. Нас уже ведут и усаживают на места. Но мы не отрываем глаз от отца. Проверяем по глазам братьев и товарищей: что это, шутка или правда? Но отец вытащил что-то из кармана жилета и говорит, коварно улыбаясь:

¹⁰ Дети, слушайте, что вам говорят. Из-за стола не встают во время обеда! (франц.)

«Вот он! Нашел!» – и машет красным билетом в воздухе.

Тут никто не в силах нас удержать. Мы вскакиваем из-за стола, танцуем, топаем ногами, машем салфетками, обнимаем отца, виснем у него на шее, целуем и нежно любим его.

С этого момента начинаются новые заботы: не опоздать бы!

Ешь, не прожевывая, не дождешься, чтоб кончился обед, потом бежишь в детскую, срываешь домашнюю и с почтением надеваешь праздничную куртку. А потом сидишь, ждешь и мучаешься, чтоб отец не опоздал. Он любит вздремнуть за послеобеденным кофе в опустевшей комнате. Как разбудить его?.. Ходишь мимо, топаешь ногами, уронишь какую-нибудь вещь или закричишь в соседней комнате, делая вид, что не знаешь о том, что он рядом. Но у отца был крепкий сон.

«Опаздываем! Опаздываем! – волновались мы, поминутно бегая к большим часам. – К увертюре не поспеем, это ясно!»

Пропустить цирковую увертюру! Это ли не жертва!

«Сейчас уже семь часов!» – восклицали мы. Пока отец проснется, оденется, – того гляди начнет бриться, – будет уж по меньшей мере семь двадцать. И мы понимали, что дело шло уже о пропуске не одной только увертюры, но и первого номера программы: «*Voltige arretee*, исполнит Чинизелли младший». Как мы ему завидовали!.. Надо спасать вечер. Пойти повздыхать рядом с комнатой матери. В эту минуту она казалась добрее отца. Пошли, поохали, повосклицали. Мать поняла наш маневр и отправилась будить отца.

«Коли хочешь баловать мальчиков, так уж балуй, а не томи, – говорит она отцу. – *Tu l'as voulu, Georges Dandin!*¹¹ Поезжай-ка на работу!»

Отец встал, потянулся, поцеловал мать и пошел сонной походкой. А мы, как пули, ринулись вниз – велеть подавать экипаж, упрашивать кучера Алексея, чтобы ехал скорее. Сидим в четырехместной карете, болтаем ногами, – это облегчало ожидание: все-таки как будто движение. А отца все нет и нет. Уже в душе растет к нему недоброе чувство, а благодарности нет и следа. Наконец дождалась. Отец сел; карета, скрипя колесами по снегу, тихо двигается, качаясь на ухабах; от нетерпения помогаешь ей собственным подталкиванием. Совершенно неожиданно вдруг карета останавливается. Приехали!.. Не только второй номер, но и третий номер программы кончился. К счастью, наши любимцы Морено, Мариани и Инзерти еще не выступали. *Она, она* – тоже. Наша ложа оказалась рядом с выходом артистов. Отсюда можно наблюдать за тем, что делается за кулисами, в частной жизни этих непонятных, удивительных людей, которые живут всегда рядом со смертью и шутя рискуют собой. Неужели они не волнуются перед выходом? А вдруг это последняя минута их жизни! Но они спокойны, говорят о пустяках, о деньгах, об ужине. Герои!

¹¹ «Ты этого хотел, Жорж Данден!» – фраза из комедии Мольера «Жорж Данден». (Ред.)

Музыка заиграла знакомую польку, – это *ее* номер. «Danse de chale»¹² – исполнит партер и на лошади девица Эльвира. Вот и она сама. Товарищи знают секрет: это мой номер, моя девица, – и все привилегии мне: лучший бинокль, больше места, каждый шепчет поздравление. Действительно, она сегодня очень мила. По окончании своего номера Эльвира выходит на вызовы и пробегает мимо меня, в двух шагах. Эта близость кружит голову, хочется выкинуть что-то особенное, и вот я выбегаю из ложи, целую ей платье и снова, скорей, на свой стул. Сижу, точно приговоренный, боясь шевельнуться и готовый расплакаться. Товарищи одобряют, а сзади отец смеется:

«Поздравляю, конечно! – шутит он. – Костя – жених! Когда свадьба?»

Последний, самый скучный номер – «кадриль верхом на лошадях, исполнит вся труппа». После него наступает предстоящая неделя с длинным рядом безрадостных, унылых дней, без надежды вернуться сюда в следующее воскресенье. Мать не позволяет часто баловать детей. А цирк – это самое лучшее место во всем мире!

Чтобы продлить удовольствие и подольше пожить приятными воспоминаниями, назначаешь тайное свидание товарищу:

«Неприменно, обязательно приходи!»

«Что будет?»

«Приходи, увидишь. Очень важно!»

На следующий день приходит друг, мы удаляемся в темную комнату, и я ему открываю великую тайну о том, что я решил, как только вырасту, стать директором цирка. Для того чтобы не было возврата после моего обещания, надо закрепить решение клятвой. Мы сни-

¹² Танец с шалью (франц.)

маем образ со стены, и я торжественно клянусь, что буду непременно цирковым директором. Потом обсуждается программа будущих представлений моего цирка. Составляется список труппы из лучших имен наездников, клоунов, жокеев.

В ожидании открытия моего цирка мы решили назначить частный домашний спектакль – для практики. Намечаем временную труппу из братьев, сестер, товарищей; распределяем номера и роли.

«Жеребец, дрессированный на свободе: директор и дрессировщик – я, а ты – жеребец! Потом я буду играть рыжего – пока вы будете стелить ковер. Потом – музыкальные клоуны».

На правах директора я забрал себе лучшие роли, и мне уступали их, потому что я – профессионал: я клялся, мне нет поворота назад. Представление назначается на ближайшее воскресенье, так как нет никакой надежды на то, что нас повезут в цирк или даже в балет.

В свободные от уроков часы и вечера нам стало много дела. Во-первых, напечатать билеты и деньги, которыми будут нам платить за них. Устроить кассу, т. е. затянуть дверь пледом, оставив небольшое окно, у которого придется дежурить целый день спектакля. Это очень важно, так как настоящая касса, пожалуй, больше всего дает иллюзию подлинного цирка. Надо подумать и о костюмах, и о кругах, затянутых тонкой бумагой, сквозь которые мы будем прыгать в «pas de chale», и о веревках, и о палках, которые должны служить барьерами для дрессированных лошадей; надо подумать и о музыке. Это самая больная часть представления. Дело в том, что брат, который один мог заменить оркестр, – чрезвычайно беспечен, недисциплинирован. Он не смотрел на наше дело серьезно и потому бог знает что мог выкинуть. Бывало, играет, играет, а потом, вдруг, при всей публике – возьмет, да и ляжет на пол посреди зала, задерет ноги кверху и начнет орать:

«Не хочу больше играть!»

В конце концов, за плитку шоколада он, конечно, заиграет. Но ведь спектакль уж испорчен этой глупой выходкой, потеряна его «всамделишность». А это для нас – самое важное. Надо верить, что все это по-серьезному, по-настоящему, а без этого – неинтересно.

Публики собирается мало. Конечно, всегда одни и те же, домашние. На свете не существует самого плохого театра или актера, которые не имели бы своих поклонников. Они убеждены, что кроме них никто не понимает скрытых талантов их протеже, все другие люди не доросли до этого. И у нас были свои поклонники, которые следили за нашими спектаклями и ради собственного (а не нашего, заметьте) удовольствия приходили на них. Одним из таких «ярых» был старый бухгалтер отца, и за это он имел у нас в цирке почетное место, что очень ему льстило.

Чтоб поддержать работу в кассе, многие из нашей доморощенной публики в течение всего дня брали билеты; потом, как будто, их теряли, потом приходили с заявлением в кассу. О каждом случае велась обстоятельная беседа, спрашивали распоряжения директора, т. е. меня, я отрывался от дела, приходил в кассу, отказывал или разрешал дать пропуск. На случай выдачи контрамарок существовала другая книжка с номерами и заголовками на билетах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.